

721.1
И-64 К₁ ет

Потенция

История звуков
русского языка

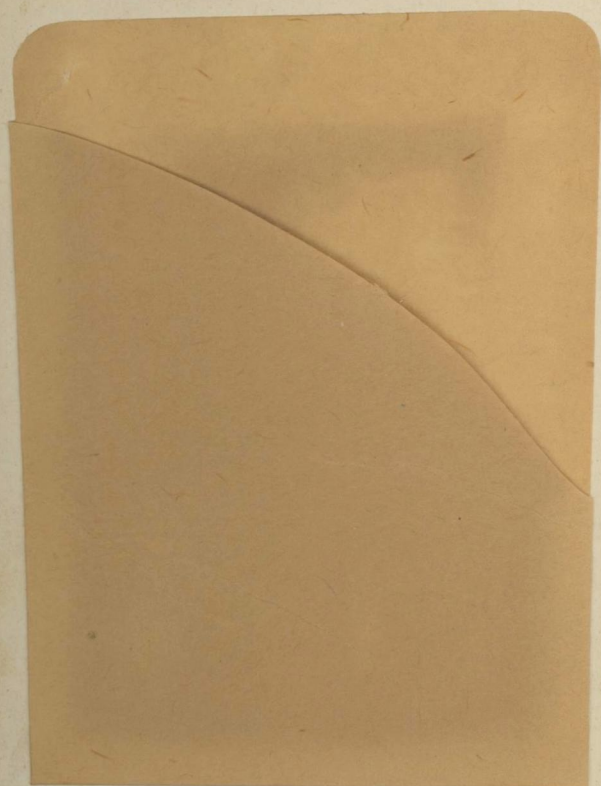
A515559

V.N. Karazin Kharkiv National University

00741229

1

32795

Li

✓

...

1404

Кабинет Современнаго языка филологии

3746

~~32795~~

А

XI $\frac{104}{128}$

КЪ

ИСТОРИИ ЗВУКОВЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. Потебни.

1
17700

ВОРОЖЕЖЪ.
Въ Типографіи В. П. Писаева
1876.

КР 2854

NOTES ON THE

AMERICAN

И 491.7
И 64 (K) ~~И~~

~~32795~~
21
КЪ ~~21~~

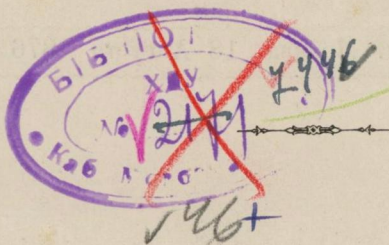
34

~~22~~

ИСТОРИИ ЗВУКОВЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Часть I

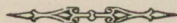

А. Потебни.

65

ИЗДАНИЕ

61

ВОРОНЕЖЪ.

Въ Типографіи В. И. Исаева

1876.

Дозволено Цензурой. Москва, 18 Августа 1876 г.

Центральна наукова бібліотека
ХНУ ім. В. Н. Каразіна
2013р.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»).

Центральна наукова бібліотека
ХНУ ім. В. Н. Каразіна
Фон. № А515559 2

Книжка эта написана, кромѣ позднѣйшихъ вставокъ, въ 1873 г. и въ концѣ того же года находилась уже въ рукописи въ Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ печати появились: главы I—IV въ Журн. М. Н. Пр. 1873, X; гл. V—ib. 1874, III; гл. VI—ib. IV; §§ 1—3 главы VII—ib. X; §§ 3 19 главы VII и глава VIII—въ «Филологическихъ Запискахъ» 1875 г. вып. I, IV, V, VI. Затѣмъ перепечатаны въ Фил. Зап. (вв. I, II, III) и главы I—VII (§ 1—2) съ нѣкоторыми дополненіями и ссылками на сочиненія, которыя въ 1873 г. не были еще изданы или были мнѣ неизвѣстны. Дополненія заняли мѣста болѣе, чѣмъ предполагалось; отсюда двойная нумерація страницъ 113*—126* и 113 126.

Сочиненія I. Шмита «Zur Geschichte des indogermanischen vocalismus. Zweite Abtheilung», Weimar 1875 г., отчасти сходнаго съ моимъ по предмету, я еще и до сихъ поръ не читалъ; между тѣмъ статью проф. Ягича «Ueber einige Erscheinungen des slavischen vocalismus» (Archiv für slavische Philologie, B. I), представляющую разборъ вышеупомянутаго сочиненія Шмита, а отчасти и моего (гл. V—VI), я, благодаря дру-

жественному вниманію автора, прочелъ еще до выхода въ свѣтъ 3-ей книги Arch. f sl. Phil., въ коей она должна быть помѣщена, но уже по напечатаніи предлагаемаго сочиненія.

Непоследовательность правописанія и опечатки, изъ коихъ отмѣчены мною только болѣе крупныя, до нѣкоторой степени заслуживаютъ извиненія: того и другаго трудно избѣгнуть при заглазномъ печатаніи.

Юль 1876.

А. Потебня.

III

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I—II Нарѣчія въ древнемъ Русскомъ яз.	1.
III. Начальное русское <i>о</i> =ст.-слав. <i>ѣ</i> : олень=ѣлень	17.
IV. Мнѣнія о происхожденіи <i>з</i> и <i>ь</i> и времени исчезновенія ихъ въ Русскомъ	24.
V. Глухіе звуки <i>з</i> и <i>ь</i> при плавныхъ <i>р, л</i> между двумя другими согласными	54.
VI. Два <i>з</i> или <i>ь</i> по обѣ стороны <i>р, л</i> между двумя другими согласными. .	85.
VII. Первое полногласіе (<i>оро</i> = <i>ра</i> и пр.) .	109.
VIII Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ. . .	178.

ЗАМѢЧЕНЫ ОПЕЧАТКИ:

стр. строка:	вмѣсто:	слѣдуетъ:
9—28	удається	удається
10—36-9	(неясно напечатано)	свое уста неестъ форма равная этимологически древнѣйшей формѣ им., вин. мн. сред. род. своя уста, но возникла изъ формы=вин. м. р. и им. вин. ж. р. своя
13—11	сумарчность	суммарность
19—34-5	принадлежать великорусскія	принадлежить великорусское
37—7	то это е, такъ	то это е такъ
» —24	Роношескъ	Ропошескъ
42—35	молвяше	молвяте
41—1	Перхурей	Перхурей Θομιπѣ
51—29	значка '	значка '
» —31	соѣнѣ	сѣн'
53—19	(ио изъ ѳ есть	(ио изъ ѳ) есть
60—7	ѳгнаѣ	ѳгнаѣ
» —12	ѳгнаѣ	ѳгнаѣ
68—23	на такое	нѣтакое
70—34-5	piŕŕweneſcz	piŕzweneſ
71—20	польск.	(польск.
74—15	сохранили	сохраняли
79—24	obvĕknoti	odvĕknoti

80—34	ср. чело, челесе=	ср. чело, челесе=
	осн. карас	осн. карас, а равно
		и отношеніе ст. сл.
		сцѣгль, цѣгль, uni-
		cus, къ поль. szcze-
		goł, Mikl. Gr. II, 95.
91—34	вихорь	вѣхорь (ръ=р'), а съ
		другимъ зн.—вихорь
97—16	іѣ, одьрнѣ	іѣ. Одьрнѣ
105—31	отвързи	отвързи
106—21	Ѳракиѣ Болгар.	Ѳракиѣ; Болгар.
120* 13-4	обыкновенно	обыкновенною
113—1	=в. бро	=русс. бро
114—33	думалъ какъ и о фор-	думалъ такъ и о фор-
	мѣ вѣлось, долженъ	мѣ вѣлось (т. е. что
		въ ней 1-е ѣ есть
		настоящій звукъ, а
		не ошибочное напи-
		саніе) долженъ
120—9	череда»),	череда»),
» — 9-10	стало	стадо
125—16	врѣд-ок	врѣд-ок
126—27	оро, оло	оро, оло)
131—36	(лорѣ	рѣло)
132—3	ѣктѣ	ѣктѣ
136—36	калкалъ въ	калкалъ, въ
146—28	wa-,	(wa-,
147—24	porzъ,	porzъ
155—15	согласною,	согласною),
156—35	онъ	оно
» — 36	обязанъ	обязано
167—9	el, er,	el, er
168—2	bérzs	be'grzs
» — 36	ар: въ ра-	ар въ ра
171—32-3	собственно опочка	собственное Опочка
172—12	нетанія	метанья
» — 15	nerz-tas	nersz-tas
» — 27	нерестъ	нерестъ

VI

179—33	слѣдусть	слѣдуетъ
187—20	Миклошика	Миклошича
195—21	најајати	најајати
200—8	су јаѣ	сунјаѣ
» — 9	дв ^а ра-	двара-
» — 37	свапајати	свапајати
206—12	skā'ldit)	skā'ldit)
207—3	бавити)	бавити)
» — 24	? Или	) или
216—13	и змѣняло	измѣняло
217—11	мант ^а а то	мант ^а ати
218—5-6	подчинялось	подчинилось
219—16	стоявшихъ	стоявшимъ
	је аѣ	је аѣ
221—29	а и а	а и а
222—21	съ корнемъ мук	съ корнемъ мак
226—38	М. Дриковъ	М. Дриновъ
229—11	съ іа, тутъ	съ іа тутъ
» — 20	(и), хотя	(и), хотя
235—30	е изъ	е изъ ъ
242—16-17	noszc-zioti	noszc- czioti
243—14	der gestossene	(der gestossene

КЪ ИСТОРИИ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе, М. Колосова. Варшава 1872.

Starobulharská fonologie se stálým zřetelem k jazyku Litevskému. Sepsal dr. Leopold Geitler. V Praze. 1873.

I.

Нарѣчія въ древнемъ Русскомъ языкѣ.

«Насъ могутъ упрекнуть въ томъ», говоритъ г. Колосовъ, «что нами вовсе обойденъ важный въ исторіи Русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныя нарѣчія. На это мы отвѣтимъ, что несчитаемъ возможнымъ, со стороны кого бы то ни было, рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ» (Оч., VIII). Дѣйствительно, это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, коихъ при такой задачѣ, какова задача г. Колосова, нельзя обходить безнаказанно, такъ какъ, обойденные, они мстятъ за себя неопредѣленностью и ошибочностью дальнѣйшихъ выводовъ. Нужно имѣть смѣлость встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу, недожидаясь, когда эти вопросы найдутъ будто бы такое рѣшеніе, которое не вызоветъ сомнѣній и отрицаній. Окончательныхъ рѣшеній въ такихъ случаяхъ и не бываетъ, а временныя и для насъ не только возможны, но и необходимы. Нужно же изсѣдователю исторіи Русскаго языка съ первыхъ письменныхъ памятниковъ дать себѣ отчетъ, о какомъ именно языкѣ онъ говоритъ: объ

общемъ ли Русскомъ, если таковой ему кажется существующимъ въ изслѣдуемый періодъ времени, или объ одной изъ его вѣтвей? Здѣсь дѣло вовсе не въ томъ, когда именно произошло раздѣленіе языка. Обособленіе этнографической единицы, это—не рожденіе ребенка и не паденіе яблока, о которыхъ при излюденіи можно сказать, что они произошли во столько то часовъ, минутъ и пр. Здѣсь возможно опредѣлять только столѣтія, позднѣе которыхъ немогло произойти раздѣленіе языка. Въ этомъ смыслѣ и былъ до сихъ поръ рѣшаемъ упомянутый вопросъ. Мнѣніе мною высказанное, и сколько знаю, неопровергнутое, было таково, что «раздробленіе Русскаго языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII вѣка находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого Велико-Русскаго нарѣчія на Сѣверное и Южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже существованіе Мало-русскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга». (Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка. 138). На- же я постараюсь разъяснить, что въ языкѣ Остромирскаго Евангелія встрѣчается Сѣверно великорусская черта, именно азлзгз и пр. Прибавивъ къ этому два другіе Свр. признака, именно смѣшеніе *ц* и *ч*, *е* и *ѣ* (Триодъ Новгород. Софійск. до 1100. Срезн. Нам. Рус. Письм. 151 слѣд.) можно теперь навѣрное сказать, что раздѣленіе Русскаго языка древнѣе XI вѣка и вся исторія его, основанная на свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣетъ діалектологическій характеръ и есть исторія русскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и нарѣчій письменныхъ, къ которымъ принадлежитъ и нынѣшній литературный нашъ языкъ. Послѣдній неможетъ быть названъ областнымъ только потому, что люди, органомъ коихъ онъ служить, разсѣяны по лицу всей Русской земли. Если бы они были скучены, то немогли бы густо населить и одной губерніи, и съ этой стороны (но не вообще) каждое изъ остальныхъ крупныхъ дѣленій Русскаго языка важнѣе русскаго литературнаго. Ни одно изъ этихъ нарѣчій не-

должно быть принимаемо за субститутъ всѣхъ или нѣсколькихъ. Языкъ не есть такое дѣлимое, чтобы можно было безнаказанно брать изъ него для изслѣдованія часть вмѣсто цѣлаго. Такое утвержденіе могло бы быть названо слишкомъ пошлымъ, если бы нельзя было доказать, что у насъ, въ примѣненіи къ языку, *pars pro toto* безсознательно считается чуть-ли не правиломъ.

Изслѣдователь долженъ помнить, что съ первыхъ памятниковъ письменности онъ имѣетъ дѣло съ образцами не всего Русскаго языка, а лишь нѣкоторыхъ его частей. Пусть о многихъ частяхъ цѣлая столѣтія небудетъ никакихъ свѣдѣній, все-таки вышеупомянутое сознаніе окажется для выводовъ не безразличнымъ, а весьма важнымъ.

Итакъ, г. Колосовъ оправдывается тѣмъ, что считаетъ вопросъ о времени раздѣленія Русскаго языка въ настоящее время неразрѣшимымъ. Это во-первыхъ. «Во-вторыхъ», говоритъ онъ, «мы имѣли въ виду только Великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи» (Оч., VIII). Но если такъ, то, стало быть, онъ разрѣшилъ для себя вопросъ о времени раздѣленія Русскаго языка также, какъ рѣшаемъ его и мы. Это и хорошо, но нехорошо то, что г. Колосовъ не вполне признаетъ вытекающія отсюда послѣдствія и несвободенъ отъ упомянутаго выше приема обобщать частныя явленія. Такъ напр., въ числѣ особенностей древняго Русскаго языка (всего), отличающихъ его отъ старославянскаго, онъ приводитъ замѣну *ъ* черезъ *е* (о чемъ скажемъ ниже), *мѣну у и в*, «сравнительно позднее измѣненіе *ы* на *о* (*ый*—*ой*) и *и* на *е* (*ій*—*ей*)» (Оч., 14). О предпослѣднемъ сказано, что оно «является (въ XIV вѣкѣ) какъ законъ, дѣйствующій въ Русскомъ языкѣ и до сихъ поръ» (Оч., 104). Изъ этого слѣдовало бы, что понятіе Русскаго языка столь тѣсно, что исключаетъ не только малорусскіе говоры, но и западную часть южно-великорусскихъ, начиная съ юга Тверской губерніи. Позволитъ ли г. Колосовъ дѣлать такіе выводы изъ его словъ? На стр. 108 онъ говоритъ: «Если

имѣть въ виду только *обще-русскія* звуковыя видоизмѣненія, то слѣдуетъ сказать, что фонетика XIV вѣка представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ чертъ, которыя уже были намѣчены въ предыдущемъ столѣтіи. Ново лишь слѣдующее (между прочимъ) отвердѣніе *т* въ оконч. 3 го л. *тѣ*. Но это черта, какъ извѣстно, не только не обще-русская, но и не обще-великорусская и не обще-малорусская.

«Можно упрескнуть насъ», говоритъ г. Колосовъ, «за отсутствіе сравненія звуковъ и формъ Русскаго языка съ звуками и формами другихъ Славянскихъ нарѣчій и за отсутствіе такого же сравненія съ данными, представляемыми говорами современнаго нашего языка. На послѣднее отвѣтимъ: 1) разработка народныхъ говоровъ у насъ еще въ зародышѣ; 2) древніе памятники почти ничего не даютъ для характеристики діалектическихъ различій Русскаго языка; 3) мы невидѣли особой пользы для нашей цѣли въ сопоставленіи фактовъ современнаго Русскаго языка съ соотвѣствующими фактами древняго. Положимъ, напримѣръ, что форма *во музяхъ*, какъ архаизмъ, можетъ служить указаніемъ на существовавшую некогда переходную смягчаемость горланныхъ, но и безъ такихъ указаній мы знаемъ по памятникамъ, что такое смягченіе существовало въ древне-рускомъ. Отъ настоящаго *можно* заключать къ прошедшему; но *должно* лишь тогда, когда это прошедшее само представляетъ намъ достаточно данныхъ для суженія о немъ». (Оч., VIII—IX).

Мнѣ кажется, г. Колосову, неслѣдовало заранѣе оправдывать возможныхъ недостатковъ своего труда, потому что дѣлая это, онъ къ упомянутымъ недостаткамъ, каковы бы они ни были, заставляетъ прибавить еще ошибочность своихъ оправданій. Извѣстно, что изслѣдователю весьма трудно воспользоваться для своей цѣли всеми средствами, какія могутъ быть замѣчены его современниками со стороны, и эта трудность служить для него самымъ лучшимъ оправданіемъ, между тѣмъ какъ, отвергая цѣлесообразность и даже существованіе

средствѣ, которыми онъ не пользовался, авторъ убѣдить этимъ лишь тѣхъ, которые вѣрятъ на слово.

Что жъ изъ этого, что наша діалектологія находится еще въ зародышѣ? Еслибъ она созрѣла, то намъ пришлось бы заниматься вопросами языкознанія менѣе элементарными. Но во всякомъ случаѣ, она даетъ намъ кое-что. Никто не въ правѣ требовать отъ г. Колосова, чтобъ онъ оставилъ старинные памятники и взялся за изслѣдованіе современныхъ нарѣчій; но есть общедоступныя діалектологическія свѣдѣнія, которыми легко можно воспользоваться, если чувствуется въ этомъ необходимость. *)

Мнѣнію г. Колосова, что древніе памятники почти ничего не представляютъ для характеристики нарѣчій Русскаго языка, мы противопоставляемъ другое упомянутое выше: уже въ началѣ русской письменности языкъ нашъ является лишь совокупностью русскихъ нарѣчій, народныхъ и одного, а потомъ и двухъ, литературныхъ; слѣдовательно, за вычетомъ того, что не только попало въ эту письменность извнѣ, но и осталось въ ней неусвоеннымъ и случайнымъ, все, что ни даетъ она, ближайшимъ образомъ характеризуетъ не Русскій языкъ вообще, а русскія нарѣчія. Правда, что многимъ мы до сихъ поръ неумѣли пользоваться; но для насъ важно убѣжденіе, что всякое новое, хорошо направленное усиліе должно открывать намъ на этомъ полѣ опредѣленныя, замкнутыя очертанія тамъ, гдѣ донинѣ мы видѣли толь-

*) Этими свѣдѣніями отчасти пользуется и самъ г. Колосовъ, напр. Оч. 64 (*ч* изъ *и* въ памят. XI в.) и въ болѣе позднемъ своемъ сочиненіи «Матеріалы для характеристики Сѣверно-великорусск. нар.» (Варш. Уп. изв. 1874), напр. стр. 17. Здѣсь тоже кое-что вызываетъ на споръ, но изъ своихъ возраженій я могу, не отклоняясь въ сторону, вставить въ эту свою статью лишь немногое. Въ 1875 г. уважаемый авторъ предпринялъ путешествіе для изслѣдованія сѣвернорусскихъ говоровъ на мѣстѣ. Въ настоящее время это путешествіе еще неокончено. Оно продолжится, какъ извѣстно уже, до мая.

ко тьму или безобразное смѣшеніе линій. Авторъ говоритъ, что невидитъ особой пользы въ сопоставленіи фактовъ современнаго и древняго Русскаго языка; а намъ кажется, что польза этого сопоставленія ничѣмъ незамѣнима, и что памятники прошедшаго, сами по себѣ, безъ сравненія съ настоящимъ, никогда не бываютъ достаточно ясны. Изъ примѣровъ, подобныхъ тому, какой приведенъ г. Колосовымъ, видно слѣдующее: что бы ни говорили намъ древніе памятники русской письменности, мы до тѣхъ поръ можемъ сомнѣваться въ томъ, что явленія представляемыя ими, дѣйствительно составляли принадлежность народнаго языка (какъ сомнѣвались, напримеръ, нѣкоторые относительно з, ъ), пока въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ не найдемъ явленій, или такихъ же, или предполагающихъ такія же. Если представляется возможность основать заключеніе на двухъ или нѣсколькихъ послыжахъ, то-есть, въ настоящемъ случаѣ—на нынѣшнемъ языкѣ и на свидѣтельствѣ памятниковъ, то основываясь на чемъ-нибудь одномъ, мы во всякомъ случаѣ остаемся въ накладе. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы г. Колосовъ былъ вѣренъ своему рѣшенію не сравнивать древняго языка съ нынѣшнимъ. Такая послѣдовательность потребовала бы значительныхъ усилій. Г. Колосовъ можно упрекнуть только въ томъ, что онъ сравнивалъ не вездѣ, гдѣ сравненіе само напрашивалось.

Извѣстно, что по неизбѣжному закону мы объясняемъ себѣ отдаленное близкимъ, то-есть, судимъ о другихъ по себѣ, о прошедшемъ по настоящему, и т. д. Въ поясненіе того, въ какой зависимости находятся наши заключенія о древнемъ языкѣ, который можетъ быть извѣстенъ только посредственно, т. е. по памятникамъ и изъ заключеній отъ памятниковъ, отъ сравненія съ современнымъ, съ которымъ возможно болѣе близкое знакомство, который мы отчасти сами создаемъ, я приведу одинъ—другой примѣръ.

«Не было ли,» говоритъ г. Колосовъ, «предполагаемымъ общерусскимъ звукомъ, смѣнившимся *ъ*, *іе* (то-есть, *је*)? Допущеніемъ такого посредствующаго звука

можно бы въ равной степени объяснить, какъ великорусское *е* (изъ *ь*), такъ и малорусское *і* (изъ *ь*). Последнее могло развиться въ Малорусскомъ вслѣдствіе преобладанія въ вокализмѣ этого нарѣчія небнаго элемента. Дѣлая это предложеніе, г. Колосовъ самъ считаетъ невозможнымъ доказать его на основаніи памятниковъ, такъ какъ въ послѣднихъ «на мѣстѣ *ь* является или *ь*, или *е*, но никогда *іе*» (Оч. 38). Но могутъ ли насъ здѣсь стѣснять памятники, когда мы знаемъ навѣрное, что теперь во многихъ мѣстностяхъ на мѣстѣ *ь* встрѣчается *іе*, котораго, однако, въ азбукѣ нашего литературнаго языка вовсе нѣтъ? Невѣроятность предположенія можетъ быть доказана инымъ путемъ. Понятію «великорусское *е* изъ *ь*» въ его всеобщности несоотвѣтствуетъ ничто дѣйствительное, потому что основное *ь* является въ Великорусскихъ говорахъ весьма различно: въ однихъ оно=*іе*, или *е* послѣ небныхъ согласныхъ, и=*э* послѣ согласныхъ, недопускающихъ небности, какъ, напримѣръ, мѣстами *и*; въ другихъ *ь*=частью *іе* (*е* послѣ небныхъ согл.), частью *и* (*і*). Хотя я не могу приурочить къ определенной мѣстности произношенія *ь*, какъ *эі* (то-есть, какъ *э* наклонное къ *и*, напоминающее *еи*, хотя отнюдь не двогласное), но я его замѣчалъ у многихъ Великоросіянъ (не только въ *цѣна*, но послѣ согласныхъ, въ другихъ случаяхъ способныхъ стать небными, напримѣръ, *бѣлый*), и не думаю, чтобы это было слѣдствіемъ посторонняго вліянія (хотя такъ произносятъ иногда и Нѣмцы) или явленіемъ совершенно личнымъ. Стало быть, понятіе «великорусское *е* изъ *ь*» есть лишь ошибочное отвлеченіе, съ которымъ намъ нѣчего и дѣлать. Въ Малорусскомъ *ь*=не только *і*, но и=*е*=*э*. Что же касается того, можетъ ли предполагаемое *іе* изъ *ь* объяснить всѣ замѣны этого послѣдняго въ русскихъ говорахъ, то отрицательное рѣшеніе этого вопроса вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что малорусское *мѣди* (род. отъ *мідь*) отнюдь не предполагаетъ *іе*. Но какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ рѣшеніе будетъ зависѣть отъ наблюденія надъ современнымъ языкомъ.

Г. Колосовъ, на основаніи нѣкоторыхъ случаевъ заключивъ, что знакъ ѡ имѣетъ значеніе = е, распространяетъ такое толкованіе на многіе другіе случаи изъ другихъ памятниковъ, и притомъ, во многихъ мѣстахъ своей книги. Такъ въ памятникахъ XIV вѣка ѡ смѣняется на е не только передъ ѣ, но и будучи конечнымъ звукомъ въ словѣ: взяѡ, доконцяѡ, быѡ, Ростовѡ (Оч., 105); творилѡ есмя, дади есмя быѡ (Оч. 114); въ XV вѣкѣ измѣненіе ѡ въ е часто, какъ и въ предыдущемъ столѣтіи, имѣетъ мѣсто въ концѣ словъ и въ срединѣ передъ гласнымъ: Дмитреевъ и Климушѡ, володѣѡ, запродалѡ, и пр.» (Оч. 132); «е въ Ипатьевскомъ спискѣ нѣрѣдко заступаетъ мѣсто и: истеннаго (въ Лавр. сп. истин.), Казимеру (Лавр.—миру), не створѡ (Лавр.—ри), пригвоздѡ (Лавр.—ди) и пр.» (Оч., 152); именит. надежъ существит., прилагат. и мѣстоим. въ Ипат. часто оканчивается на ѡ = е, вслѣдствіе стремленія измѣнять конечное ѡ на е: языѡ (Лавр.—ци), чесьѡ (Лавр.—си), добръѡи челоувѣѡ (Лавр.—иц,—ци), самѡ (—ми), тѣѡ (тии), (ib. 155). Сюда же и нѣкоторые примѣры на стр. 156—7, 163 (просилѡ, не пролейѡ, Василѣѡи и др.), 165 (полѡѡ), 166 (Русьѡѣѡ, им. мн.; которѡѡи, тоже).

Здѣсь сгруппированы весьма различныя явленія, и дѣйствительные факты фонетики (напримѣръ, удержаніе ѡ въ видѣ е въ непролейѡ, о чемъ см. въ моихъ Замѣткахъ о Малорусскомъ нарѣчій 17; замѣна ѡ въ ѣе, изображаемое посредствомъ ѡ въ именахъ на иѣ) неотличены отъ случаевъ ошибочнаго написанія. Такъ, авторъ считаетъ ѡ въ именит. пад. мн. ч. муж. р. причастія ѡѡ (дали есмя быѡѡ) за фонетическую замѣну, равно сильную съ е (или ѣе?), тогда какъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ, ни одно русское нарѣчіе, въ коемъ произносилось бы быѣе и т. п. Еслибъ авторъ зналъ такое нарѣчіе, онъ долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ; если жъ онъ не знаетъ, то почему онъ не руководится слѣдующими соображеніями, для которыхъ всѣ данныя находятся, по видимому, у него въ рукахъ: въ настоя-

шее время во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ произносится заѣсъ или *и* (были), или звуки очевидно предполагающіе это *и=і* (Мр. булі); основной языкъ и вмѣстѣ древнѣйшіе памятники русской письменности имѣютъ тоже *и*: слѣдовательно, «быль» есть только написаніе, а не произношеніе. Откуда взялось такое написаніе, это ясно изъ отмѣченныхъ у г. Колосова многочисленныхъ случаевъ замѣны *ь* посредствомъ *и*, между прочимъ въ Ипатьевскомъ спискѣ (Оч., 151 и др.): писецъ ставилъ *ь* тамъ, гдѣ произносилось *и*, потому что привыкъ знаку *ь* придавать значеніе *и*—явленіе мѣстное, и если рѣчь идетъ объ Ипатьевскомъ спискѣ, сѣверное. Если г. Колосовъ неразсуждаетъ вмѣстѣ съ нами такимъ образомъ, то виною тутъ лишь предрассудки, которые онъ самъ себѣ создалъ: эмбриональность нашихъ диалектологическихъ свѣдѣній и безполезность сравненія древняго языка съ новымъ. *)

Случаи такіе, какъ *ь* въ родит. ед. женск. добро*ь* и добро*ь*, земля*ь* и въ винит. множ. сво*ь*, получаютъ смыслъ для исторіи языка лишь тогда, когда будутъ ближайшимъ образомъ опредѣлены не только на основаніи другихъ данныхъ памятника, въ коемъ встрѣчаются, но и на основаніи живаго языка той мѣстности, къ которой относится памятникъ. Что такое опредѣленіе не всегда легко, о томъ и говоритъ нѣчего (sic). Однако, если во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и западной Руси донынѣ слышится сво*ѣ*—сва*ѣ* (=древ. сво*ѣ*ѣ), и если удастся отнести древній памятникъ къ тѣмъ же

*) Въ соч. «Матеріалы и пр.» г. Колосовъ, указывая на случаи—правда узятіе, ирель судияміе (Смол. Гр. 1229, по Рум. си.), люде (Ип. л.² 300), какъ на доказательства замѣны *и* по средствъ *ь* въ древ.-Русскомъ, говоритъ: «если г. Потебнѣ такая смѣна все-таки кажется невѣроятною то онъ долженъ бы дать свое объясненіе подобнымъ случаямъ» (стр. 12, прим. 3). Но я говорю только о частномъ случаѣ *быль*. Я вовсе неутверждаю, что *ь* изъ *и* невѣроятно, а нахожу лишь ошибочнымъ приписывать его какому то древнерусскому языку, неясная, что

мѣстностямъ, то nebudeтъ сомнѣнія, что въ этомъ памятникѣ слѣдуетъ читать *своѡ*, какъ *своеѡ*, а не какъ *своиѡ*. **)

«Въ Актахъ Западной Россіи», говоритъ г. Колосовъ «встрѣчаемъ явленіе, обратное опущенію *і* въ суди (вм. судья), именно встрѣчаемъ *ја* вм. *а* со смягченіемъ предыдущаго согласнаго звука (то есть, *ія* вм. *я*): *жерѣбяти* вм. *жеревяти*. Явленіе это несоставляетъ исключительной особенности языка Актовъ Зап. Россіи. Есть подобные случаи и въ Новгородскихъ памятникахъ. Такъ, въ 1-й Новг. лѣтоп. по Академ. списку находимъ формы *Устыюгъ* (=Устѣюгъ), устыюский князи» (Оч. 135). Автора поражаютъ эти формы своимъ сходствомъ съ *жеревяти*, потому что онъ ошибочно принимаетъ позднѣйшую сокращенную и затемненную въ этимологическомъ отношеніи форму *Устыюгъ* за болѣе древнюю; но извѣстно, что слово *Усть-югъ* (то-есть, устье Юга,

именно подѣ нимъ разумѣть Я и прежде (Два изсл. 77) считалъ Гр. 1229 г. сѣверновеликорусскою по языку, и теперь нимѣю ничего противъ сближенія, дѣлаемаго г. Колосовымъ (Матер. 12) формы суианіе съ нынѣшн. Олопецъ «села со поселкамъ» (Рыбн. III 372) Прибавлю сравненіе: неупіерати (Гр. 1229) съ Сит. уціераемса (Два изсл. 75), Онеж. доберается, забералъ (Матер. 10). Другое дѣло фор. *люде*, гдѣ *е* могло возникнуть не только изъ *и* (люди), но и изъ *иѣ*, или *ыѣ*. Ср. им. мн. печате (Mikl. V. Gr. III. 47) и четыре при четьриѣ.

**) На мнѣніе мое, что въ Свр. и Бр. своеѡ уста, маѣ дзѣтки, твоеѡ ключи *іѣ* есть непосредственная замѣна *а* (Два изслѣд. 83), г. Колосовъ возражаетъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ звука *а* никогда и небыло Въ моихъ словахъ слѣдуетъ вычеркнуть «непосредственная», ибо *іѣ* вѣроятнѣе примыкаетъ здѣсь къ *я* изъ *ія*, а впрочемъ все вѣрно. Подобно тому, какъ оконч. именит. мн. сред. р. прилагат. членныхъ сравнялись во всѣхъ русскихъ говорахъ съ мужск. и женскими (добрыи дѣла изъ *иѣ*, а это изъ *иѣ* = *иѣ*; ср. мыты давыи пошлыи въ Грам. Дм. Ив. 1381); такъ и именит. винит. мн. ч. сред. р. своеѡ уста и свои уста не есть форма равная этимологически древнѣйшей Слав. своя уста, но возникла изъ формы =винит. м. р. и именит. винит. ж. р. своеѡ.

или по памятникамъ XV вѣка съ род. на у Югу-рѣ-ки *), образовано, какъ *усть-Дугъ* (нынѣ Устилугъ), Устьсысольскъ, Устьмедвѣдницъ, такъ что отдѣленіе небнаго *т* отъ слѣдующаго *ю* въ *усть-югъ* этимологически необходимо. Между тѣмъ, отдѣленіе небнаго *б* отъ *я* въ *жеребѣяти* неорганично и составляетъ діалектическую особенность. Авторъ довольствуется здѣсь общою ссылкой на 1-й т. Актовъ Зап. Россіи, но, вѣроятно, форма *жеребѣяти* взята имъ изъ записи о Ржевской дани (Акты Зап. Росс. I, № 71, послѣ 1479 года). Хотя эта записъ имѣется въ болѣе позднемъ спискѣ изъ метрики Литовской, но первоначальный ея языкъ врядъ ли значительно измѣненъ. Она писана, безъ сомнѣнія, Ржевитиномъ и заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя для сличенія нарѣчія XV вѣка въ западнорусскихъ мѣстностяхъ, на границѣ Новгородскихъ владѣній, съ нынѣшнимъ говоромъ той же мѣстности, образцы коего мы имѣемъ. Вырванная изъ своей этнографической связи, форма *жеребѣяти*, сходная съ нынѣшними бѣлорусскими и малорусскими, повела автора къ тому, что онъ такія же формы приписалъ сѣверновеликорусскимъ памятникамъ. Кромѣ того, въ вышеприведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о языкѣ Актовъ Западной Россіи, какъ о чемъ то единомъ, тогда какъ одинъ внимательный разборъ упомянутой записи могъ бы убѣдить его въ противномъ.

«Смягченіе гортанныхъ встрѣчается перѣдко и въ памятникахъ XV вѣка, но, вѣроятно, въ живомъ языкѣ оно было уже утеряно». Слѣдуютъ примѣры, именно: «на рѣцѣ» и тутъ же «на рѣчкѣ». «Случаевъ смягченія (въ *з*, *и*, *с*), какъ видно изъ этого, немало, но едва ли они не представляютъ собою только книжную устарѣвшую форму: въ грамотѣ 1451—1452 гг. «о *ли-хе*», въ послѣдующихъ же «о *ли-стѣ*» (Оч., 135). Шаткость этой догадки видна какъ изъ того, что въ нѣко-

*) Югъ = финск. *juga*, *joki*, рѣка. Гротъ. Филологич. розыскъ 259.

торыхъ, собственно великорусскихъ говорахъ, неговоря уже о бѣлорусскихъ, формы «на Оцѣ рѣцѣ» и т. п. живутъ донынѣ (Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка, стр. 67—8), такъ и изъ того, что въ тѣхъ же мѣстностяхъ, а равно и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ, рядомъ съ ними, частью какъ правило, частью какъ исключеніе, живутъ и формы съ гортанными: на ріці = на рѣцѣ и «на річкі = рѣчкѣ».

«Шипящіе и *ц* (въ XV вѣкѣ) хотя и соединяются съ мягкими, но чрезвычайно рѣдко; на оборотъ, сочетаніе ихъ съ твердыми слѣдалось правиломъ; оно встрѣчается въ памятникахъ даже и тамъ, гдѣ, быть можетъ, въ живомъ говорѣ и неслышалось». Слѣдуютъ примѣры: селищю и пр. «Изъ этихъ примѣровъ видно, въ какой степени ничтожно количество случаевъ употребленія шипящихъ съ мягкими, сравнительно съ количествомъ случаевъ употребленія ихъ съ твердыми. Встрѣчая въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и притомъ, въ однихъ и тѣхъ же грамотахъ шипящіе и *ц* съ твердыми и мягкими и замѣчая громадный перевѣсъ на сторонѣ сочетаній перваго рода, имѣемъ полное право заключить, что въ живомъ языкѣ шипящіе и *ц* сочетались въ XV столѣтіи только съ твердыми» (Оч., 135—6). Здѣсь тотъ же способъ разсматривать явленія огуломъ, въ произвольномъ ихъ обобщеніи. Прежде всего сообразимъ, какой такой можетъ быть одинъ живой языкъ въ XV столѣтіи? Неужели еще и въ это время свидѣтельства памятниковъ недостаточны для того, чтобы убѣдить насъ, что передъ нами не одинъ Великорусскій языкъ, а нѣсколько, хотя и близкихъ между собою нарѣчій, или, если угодно, говоровъ? Затѣмъ, имѣется ли основаніе разсматривать въ указанномъ выше отношеніи шипящіе звуки и *ц* вмѣстѣ, и полагать, что гдѣ тверды шипящіе, тамъ твердо и *ц* и на оборотъ? Подтверждается ли свѣдѣтельствомъ современныхъ нарѣчій мнѣніе, что шипящіе и *ц* сочетались въ XV вѣкѣ только съ твердыми? На оба послѣдніе вопроса отвѣчу вмѣстѣ. Донинѣ есть великорусскіе говоры, гдѣ шипящіе небны (хочю и пр.),

но въ то же время *и* твердо, и наоборотъ, есть такіе, гдѣ шипящіе тверды почти постоянно, а *и*, кромѣ опредѣленныхъ случаевъ, какъ *царь* и др., мягко. Здѣсь врядъ-ли авторъ найдетъ основанія заподозрить показанія моей статьи (Два изслѣд., 86—8). Такое различіе между нарѣчіями замѣчается не позже, какъ съ XVI вѣка. Въ XV вѣкѣ во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь *и* твердо или тверды шипящіе, или то и другое, могла существовать еще мягкость этихъ звуковъ, что, я полагаю, можетъ быть и доказано. Даже относительно одного *и*, или однихъ шипящихъ сумарность выводовъ не умѣстна. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ восточномъ Малорусскомъ *и*, постоянно соединяясь съ *я*, *ю*, *і*, никогда не сочетается съ *ю*, но всегда требуетъ твердаго *е=э*; что въ одномъ и томъ же Малорусскомъ говорѣ шипящіе въ однихъ случаяхъ тверды (жукъ, шуба) въ другихъ—мягки (держать, 3 е л. мн. ч.). Самое утвержденіе автора, что въ памятникахъ, на которые онъ ссылается, громадный перевѣсъ сочетаній шипящихъ и *и* съ твердыми, могло бы получить для насъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы была предварительно опредѣлена мѣстность памятниковъ; но и въ такомъ случаѣ настоятельно нужна повѣрка. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ XV вѣка не только нѣтъ такого перевѣса, но совсѣмъ наоборотъ, *и* почти постоянно мягко, такъ что отклоненія отъ этого правила можно бы приписать литературному вліянію; въ другихъ почти постоянно находимъ сочетанія *иъ*, *иѧ*, *чю*.

II.

Для характеристики древняго Русскаго языка сравнительно со Старославянскимъ, г. Колосову кажутся важными слѣдующіе звуковые признаки: *o=ст.-сл. ю (олень)*; *я, у=юсамъ*; *ж, ч=жд, ит*; *мягкость шипящихъ*; *глухіе передъ р, л (тѣргъ)*; *замѣна ѣ черезъ е*; *мѣна у и в*; *ой изъ ѡй и ей изъ ий*.

Послѣдніе четыре признака, конечно, ошибочно внесены въ характеристику *всего* древ. Русск. яз. Что же касается замѣны *и* передъ гласною звукомъ *ь* (Давровскій, О язык. Сѣв. русск. лѣтоп. 44) и близости глухихъ *з* и *ь* къ *о* и *е* (при чемъ авторъ ссылается на мое сочиненіе, Два изслѣд. 138), то эти признаки г. Колосовъ считаетъ несущественными: «Сокращеніе *и* въ *ь* имѣетъ мѣсто и въ памятникахъ, неносящихъ на себѣ признаковъ русскаго письма (напримѣръ, въ Супрасльской рукописи); на близость же *з* къ *о* и *ь* къ *е* нельзя, думаемъ, указать, какъ на отлічіе Русскаго отъ Старославянскаго, такъ какъ мы незнаемъ, какую замѣну получили бы глухіе въ послѣднемъ, еслибъ исчезли въ немъ: быть можетъ, ту же, что и въ Русскомъ» (Оч. 14). Я попытаюсь сказать два слова въ пользу этихъ забракованныхъ признаковъ.

Во первыхъ, нужно условиться относительно значенія, какое придаемъ мы Старославянскому языку въ подобныхъ случаяхъ. Когда въ непрерывномъ теченіи явленій славянскихъ языковъ бываетъ нужно опредѣлить разстояніе одной точки отъ другой, и когда въ извѣстныхъ случаяхъ эта послѣдняя берется изъ старославянскаго языка, то мы очень хорошо знаемъ, что этотъ языкъ, подобно всякому другому, измѣнялся, стало быть, согласно съ дѣйствительностью могъ бы быть изображенъ только исторически, а не описательно. Но въ такихъ случаяхъ намъ нужно не теченіе этого языка, а взятая въ немъ для сравненія точка, принимаемая за неподвижную. Согласно съ этихъ мы отвлекаемся отъ мысли о подвижности этого языка; мы идеализируемъ его на время, допускаемъ условную ложь, то-есть, дошедши до познанія извѣстныхъ правилъ, принадлежащихъ, по нашему мнѣнію, къ одному и тому же слою языка и гармонирующихъ, какъ намъ кажется, одно съ другимъ, мы временно оставляемъ безъ вниманія отклоненія отъ этихъ правилъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ мы считаемъ необходимыми *з* и *ь* на такомъ-то мѣстѣ, хотя въ памятникахъ, которые мы можемъ назвать

не иначе, какъ старославянскими, или, какъ другіе говорятъ, староболгарскими, въ этихъ случаяхъ можемъ встрѣтить и чистые звуки, или и глухой звукъ, но на другомъ мѣстѣ. Можетъ ли быть безъ неудобства устроена эта фикція, это—вопросъ другой. Достаточно, что она можетъ стать совершенно безвредною. Понимаемому въ этомъ смыслѣ Старославянскому языку мы можемъ приписать только сочетанія *иѣ, иѣ, ию* и проч., а не *ые* и проч. послѣ согласныхъ. Старинные русскіе памятники, конечно, даютъ намъ и формы, совершенно тождественныя со старославянскими (*бритія*); но такъ какъ формы *братья* и т. п. съ первыхъ временъ весьма часты, то возникаетъ предположеніе, что первыя уже въ эти времена были литературнымъ заимствованіемъ, и что вторыя показываютъ намъ дѣйствительную исходную точку русскаго просторѣчія, по памятникамъ. Возможно, что форма *братья* возникла въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ самостоятельно; но необходимость такого предположенія недоказана, а это-то и нужно, чтобъ имѣть право выкинуть сочетанія *ые, ыя* и проч. изъ числа признаковъ древняго общерусскаго языка. *)

Какое дѣйствительное значеніе имѣло начерганіе *братья* въ XI—XII вѣкахъ на Руси? Составляло ли здѣсь *ъ* слогъ (*бра-ть-я*), было ли оно глухимъ гласнымъ? Быть можетъ; но нисколько не подрывая положенія, что глухіе гласные дѣйствительно существовали въ это время въ Русскомъ языкѣ, можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже тогда знаки *ъ, ь* имѣли другое значеніе. Быть можетъ, уже къ тому времени слѣдуетъ отнести произношеніе, частью сохраняемое всѣми русскими нарѣчіями, за исключеніемъ гѣхъ, которыя въ этомъ отношеніи могли подвергнуться польскому

*) Здѣсь рѣчь идетъ только объ *ѣе, ья* на концѣ словъ. Внутри словъ *иѣ, ыѣ* отчасти остаются до нынѣ (*сіѣть*). Ср. въ Лужск. у. Петерб. губ. и передъ ударяемымъ *я*: *пі-явка, пі-яной, Таті-яна* (Зап. Геогр. Об. по отд. Этн. IV 248); въ Тв. г. Осташк. у. *пі-явица*.

вліянію, именно *братѣя* (*т* небно, за нимъ *ј* явственно), откуда пошло вост. М.-р. *братѣя* (оба *т* небны, йоты отдѣльно неслышно), Зап. В.-р. *браѣя* (= *иѣя* оба *и* небны). Произношеніе *братѣя* характеристично для Русскаго языка и по отношенію къ Польскому *bracia* (то есть, *ѣа*) и сербскому *браѣа*, въ коихъ *ј* изъ *и* совершенно исчезло какъ самостоятельный звукъ, превративъ предыдущую согласную въ небную. Врядъ-ли можно думать, что уже въ основной формѣ тѣмъ одно ссѣдство съ *и* обратило предшествующій согласный звукъ въ небный: *ти* можетъ быть произнесено такъ, что *т* въ немъ останется чѣсто зубнымъ: конецъ языка прикладывается къ концу или къ основанію переднихъ зубовъ. Не думаю, чтобы когда либо въ Польскомъ существовали формы *bracięa sedzięa*, предположенные для этого языка въ *Beiträge*, VI, 25, ибо въ такомъ случаѣ *i* осталось бы донинѣ, какъ осталось это въ *koręa, bi-ję, ri-ję* при русскомъ: копье, бью, пью.

Во-вторыхъ, то, что говоритъ г. Колосовъ противъ моего мнѣнія о близости глухихъ *з, ѣ* въ древнемъ Русскомъ къ *о, е*, основано на недоразумѣніи. Если мы не знаемъ, какую замѣну получили бы глухіе звуки въ Старославянскомъ («быть можетъ, ту же, что и въ Русскомъ»), то намъ этого и знать не нужно. Здѣсь рѣчь не о томъ, что *з, ѣ* въ Русскомъ замѣнились чистыми *о, е*, а о томъ, что они, еще существуя какъ глухіе, склонялись къ *о, е*. Это именно объясняетъ, почему русскіе писцы ошибались всегда въ одну сторону, т. е. вм. *з* ставили *о* (и никогда *а* или *и*) и на оборотъ, а вмѣсто *ѣ* — *ѣ, е*, рѣдко *и* и никогда *а*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ глухіе звуки до замѣны чистыми должны были склоняться не въ ту сторону, что въ Русскомъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобы основныя формы *vъlkъ* и *дѣнь* разомъ перескочили въ польское *wilk* и сербское *дан*. Когда я говорю, что наклонность къ *о, е* въ *з, ѣ* характеристична для древняго Русскаго сравнительно со Старославянскимъ, то предполагаю, что старославянскіе *з, ѣ* рѣзко отличались отъ *о, е*, а что

было бы, еслибы..... о томъ недумаю. Само собою разумѣется, что вмѣсто старославянскаго здѣсь можно поставить доисторическое состояніе, предполагаемое самими Русскими языкомъ.

III.

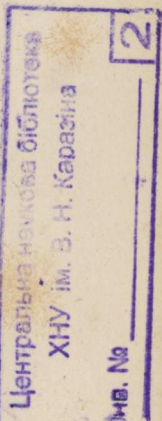
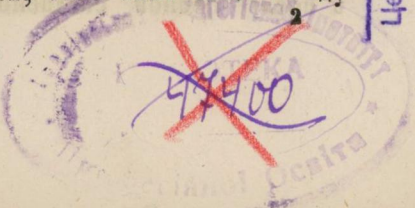
Начальное русское о = старо-славянскому ѱ: олень
= ѱлень.

Г. Колосовъ старается обойти вопросъ о времени образованія русскихъ нарѣчій, конечно, для того, чтобы, не касаясь сомнительнаго, придать своему изслѣдованію болѣе прочности. Однако, разсматривая звуковые признаки древняго Русскаго языка, г. Колосовъ затрогиваетъ другой, гораздо болѣе трудный вопросъ: о генеалогіи славянскихъ нарѣчій. Это не только не грѣхъ, но даже необходимость, и автора можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ недовольно ясно сознаетъ, куда хватаютъ затрогиваемые имъ вопросы. Въ такихъ случаяхъ труднѣе бываетъ воздержаться отъ прикосновенія къ сомнительному, чѣмъ отнестись къ нему смѣло, сознательно дѣлая своею исходною точкою предположеніе, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности замѣнить въ концѣ изслѣдованія такую его основу другою. Если же мы этого нежелаемъ, то намъ останется только заявлять о существованіи такихъ то явленій (напримѣръ, русское о въ началѣ такихъ-то словъ = старо-славянскому ѱ), а не спрашивать себя, какъ это дѣлаетъ г. Колосовъ: «что древнѣе: русское ли начальное о, или старо-славянское ѱ?» (Оч., 15). Еслибы первое оказалось болѣе древнимъ, то двойственное дѣленіе Славянскаго языка стало бы крайне сомнительно, такъ какъ, несмотря на общность ѱ въ ѱлень всѣмъ остальнымъ славян. нарѣчіямъ, другіе признаки не позволяютъ допустить ихъ единства въ то время, когда Русскій языкъ уже выдѣлился.

Альтернатива, принимаемая г. Колосовымъ, неисчерпываетъ всѣхъ возможностей, такъ какъ связь между

А 515559

K. P. - 2887

начальнымъ *о* и *ю*, говоря *а ргіогі*, можетъ состоять и въ одномъ томъ, что оба эти звука независимо другъ отъ друга возникаютъ изъ третьяго. Для родословія славянскихъ нарѣчій послѣдствія этого были бы тѣ же, что и отъ болѣе древности *о*.

Согласно съ этимъ это родословіе можно бы представить себѣ двояко: а) согласно съ дѣленіемъ, которое принято было и И. И. Срезневскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 48) и по которому Русскій языкъ образуетъ отдѣлъ, соподчиняемый съ отдѣлами югозападнымъ (нарѣчія Церковно Слав., Болг., Серб. Хорв. и Хорут.) и сѣверозападнымъ (нар.: Полаб., Польск., Лужицкія, Чешское со Слов.); б) согласно съ видоизмѣненіемъ этого дѣленія, состоящимъ въ предположеніи, что общеславянскій языкъ сразу распался неменѣе, чѣмъ на 5 или на 6 нарѣчій, именно: Русское, Болгарское (т. е. то, потомки коего суть Церк.-Слав. и Болгар.), Сербо-Хорв., Хорут., Лянско-Чешское (или же, что менѣе вѣроятно, отдѣльно Лянское, отъ коего—Полаб., Лужиц., Польш. и Чешско словенское).

Способы, какими г. Колосовъ взвѣшиваетъ *рго* и *contra* своихъ предположеній, вызываютъ на нѣкоторыя замѣчанія.

А) «Хотя *е*, также какъ *о*, соответствуетъ исконному *а*, но въ градаціи славянскихъ звуковъ *о* стоитъ ближе къ *а*, чѣмъ *е*: первый изъ этихъ звуковъ составляетъ среднюю ступень между *а* и *е*. Можно бы поэтому думать, что начальное русское *о* древнѣе старо-славянскаго *е*, что послѣднее явилось изъ перваго или какъ результатъ ослабленія его (*а-о-е*), или какъ результатъ йотациі (*а о јо=e-je*)» (Оч., 15). При этомъ г. Колосовъ ссылается на Шлейхера, мнѣніе коего усвоиваетъ себѣ и г. Дювернуа (Система звуковъ и формъ, 41). Шлейхеръ (Formenlehre, 90; Compendium, 104, 126) думаетъ, что *јо* переходитъ въ *је*, такъ какъ формамъ, въ родѣ несомнѣнно, соответствующихъ формы, подобныя *біємъ*. Это у него въ связи съ другимъ положеніемъ, что *јз* = *з* послѣ небной согласной, такъ какъ формамъ богъ

соотвѣтствуютъ формы конь, вой. Незнаю, извѣстно ли уже то, что мнѣ кажется здѣсь существеннымъ, именно, что изъ соотвѣтствія *несомъ* съ *биемъ* никакъ не слѣдуетъ, что въ древнѣйшемъ періодѣ славянскихъ нарѣчій *ю* непременно происходитъ изъ *jo*. Такъ какъ форма *биюмъ* построена совершенно гадательно, то по меньшей мѣрѣ съ такою же вѣроятностью можно предположить, что *ю* въ *биемъ* возникло непосредственно изъ *ja*. Славянское *е* во многихъ случаяхъ древнѣе *о*, то-есть, въ то время, какъ внутри *вез*, *нес*, *греб*, *пек* было уже *е*, звука *о* въ *воз*, *нос*, *гроб*, *пок* (въ сл. *онок а*) еще небыло, а на мѣстѣ его стояло *а*, которое и осталось въ Литвинско-Литовскомъ. Такимъ образомъ и *е* въ зват. Боже древнѣе, чѣмъ *о* въ бого угоднѣ. Самое *е*, при своей большей древности сравнительно съ *о*, возникло не въ одинъ періодъ языка, а въ нѣсколько (Geitler, Fonologie, § 7—8). Такъ, мнѣ кажется, первое *е* въ *вез-е-те* древнѣе, чѣмъ второе, котораго въ Литовскомъ *wežate* еще нѣтъ, изъ чего слѣдуетъ, что сходство славянскаго глагольнаго характера (или такъ называемой связочной гласной) *е*, въ *вез-е-те* съ греческимъ *ε* въ *ἔχ-ε-τε* лишь случайно, то-есть, невозсходитъ ко времени единства этихъ языковъ.

Дѣйствительно, въ Русскомъ есть немногіе случаи, въ коихъ *je* возникло изъ *jo*, но они такъ рѣдки и поздны, что ссылаться на нихъ при объясненіи столь древняго явленія, какъ *о=ю* въ *олень*, было бы черезъ мѣру смѣло. Я говорю объ ие въ *Иевъ* (=Иовъ), откуда фамилія *Иевлевъ*, и *ю* въ *юсипъ* (изъ *Юсипъ*), откуда фамилія *юсиповъ*. Принимая за основную форму *ольха* (польское *olcha*, *olsza*, малорусское *вільха*, лужицкое *wolsza*, чешское *volše*, словацкое *olsza*, хорутанское *olša*, сербское *јоха*, *јова* (изъ *јолха*), велико-русское (Влад., Ват.) *ѣлха*, можно думать, что сюда же принадлежатъ велико-русскія (Нижегородск.) *јелѣха*, то-есть, что и здѣсь *ю* изъ *jo*; тоже, быть можетъ, и въ хорутанскомъ *jelša* при *olša*. Срав. также *ю* въ нижне-лужицкомъ *jereŕ*, *berer* при верхне-лужицкомъ *worjer*, *орель*.

Б) Итакъ, предположеніе, что *ielenъ* изъ *jolenъ*, или изъ *elень*, а это изъ *olenъ*, и безъ всякихъ другихъ опроверженій, само по себѣ мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. Г. Колосову мѣшають на немъ остановиться слѣдующія соображенія:

1) «Уже въ Литовскомъ мы встрѣчаемъ *e* въ *ežis*, *iežъ*, русское *oжъ*, *elnis*, *ielenъ*, русское *олень*». Во-первыхъ, на счетъ примѣра *oжъ*. Современные русскія нарѣчія указываютъ въ этомъ словѣ только на ту форму, которая свойственна и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, именно *iežъ*: *ie* предполагается какъ формою *ѣжъ* = *joжъ*, такъ и малорусскимъ *jіжъ*, *jіжакъ*. Форму *oжъ* г. Колосовъ, быть можетъ, заимствовалъ изъ Дап. Заточ. по сп. XV в. (Буслаевъ, Хрестоматія, 624: «не звѣрь въ звѣрехъ ѡжъ»), гдѣ возможно предположеніе, что ѡ — лишь неточное написаніе вмѣсто неизвѣстнаго тогда начертанія *ѣ*. Несомнѣнно *o* только въ производномъ малорусскомъ *ожина* (какъ колючій кустарникъ) при великорусскомъ *ieжевика* и польскомъ *jeżuна*. Во-вторыхъ, ссылка на начальное *e* въ Литовскомъ имѣла бы здѣсь значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы предварительно было доказано, что это *e* не есть позднѣйшее діалектическое измѣненіе, но восходитъ ко времени единства Литовско-латышскаго и Славянскаго. Я нахожу болѣе вѣроятнымъ, что *e* въ *elnis* и *ie* въ *ielenъ* возникли независимо другъ отъ друга, такъ что литовское *e* здѣсь можетъ быть даже новѣе славянскаго *ie*, ибо на мѣстѣ литовскаго начальнаго *e* въ литовско-латышскихъ нарѣчіяхъ до нынѣ встрѣчается болѣе древнее *a*: при южно-литовскомъ *ešknis*, ольха, въ самомъ же верхне-(или южно)-Литовскомъ около Мемеля и въ Латышскомъ *alksnis*; при *āmalis*, *āmalas* (обыкновенно во мн. ч. *amalei*, *amalai*), омела, стоитъ и *emalas*, *emala*; при южно-литовскомъ *egelis*, южно-литовское и жмудское *agelis*, орель; при лит. *ežeras*, прус. *ažaran* (acc. sing); прусс. *asapnis* = осень, *iesenъ*; при южно-литовскомъ *eszis*, ось, жмудское *aszis*; при *eszutas*, конскій волосъ, волосень, *l̃sca* = *aszutas*; при *elkunė*, локоть, = *alkunė*; при *ėpuszė*,

черный тополь, жмудское и около Мемеля apuszis, осипа; при erdwas и ardwas, широкій, просторный; (сравненіе eszmū, остріе съ aszmū id. быть можетъ, сюда пойдетъ; по крайней мѣрѣ eszmas, вертелъ = jėszmas, id. въ коемъ jė=ai (прусск. aismis вертель); даже при южно-литовскомъ esmī, ѣсмъ въ томъ же парѣчій мѣстами asu, asiū (Фортунаговъ и Миллеръ, Литовскія пѣсни, 130). Такъ какъ *ладитъ*, *ладья* и т. п. несомнѣнно изъ алдидъ, то встрѣчая е въ Литовскомъ eldiĵa, а равно и въ elnis, elnė при *алгний*, *лань*, въ elk-unė при *лакзтъ*, *локоть*, слѣдуетъ думать, что е возникло уже на почвѣ литовско-латышскихъ парѣчій, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть случаи очень поздняго измѣненія начальнаго а въ е, какъ, напримѣръ, въ ekrutas при akrutas, гдѣ а есть литовское отраженіе польскаго о въ okret. Разсматривая этотъ вопросъ, слѣдуетъ также приять во вниманіе смѣну звуковъ е, ё и о при а, напримѣръ, въ ėglus—oglus, дерево тисъ. при находящемся вѣроятно въ связи съ нимъ литовск. egle—agle, прусск. adle (Beiträge, VI, 445), основная слав. форма—западно славянское ѣла, ель.

Такимъ образомъ, Литовскій языкъ не только не помогаетъ предложенію, что о въ олень произошло изъ общеславянскаго ѣ, но скорѣе, напротивъ, можетъ внушить мысль, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и тамъ, гдѣ во всѣхъ славянскихъ парѣчійхъ о, это о прямо примыкаетъ къ литовскому а, какъ въ оба при литовскомъ abu; въ *осотъ*, *осока* (какъ рѣзучія растенія) при литовскомъ akotas, ячменная ость, aszaka, рыба кость, ость; въ *остынь*, stimulus, при литовскомъ akstinas, колючка и остріе на палкѣ, которою погоняють воловъ; въ *олъ*, хорутанское ol при литовскомъ alus, пиво, брага и проч., неговоря уже о множествѣ литовскихъ заимствованій изъ Русскаго, а отчасти и Польскаго.

2) «За исключеніемъ Русскаго, ни одно изъ другихъ славянскихъ парѣчій не расходится въ этомъ случаѣ (ѣлень) со старо-славянскимъ». Это положеніе должно быть нѣсколько ограничено: при ѣмела, польск.

jemelja, в луж. jemjelina, н.-луж. также, и hemelina, съ измѣненіемъ je въ ji, i (какъ въ исто, -ese testisculus при исто, id.) сербск. имела, чешск. jmelj, melj, находимъ не только русск. омела, но хорут. omela, также и сербск. (боснійск.) и хорват. по ссылкѣ Линде; ср. также Miklosich, Lexicon, омельникъ; при поль., лужицк., чешск., слов. и по ссылкѣ Линде, сербск. jelito, кишка, внутренности (Линде сравниваетъ съ лат. ile, мн. ilia, кишки)—хорут. olita, мн.; при ѣсень русск. осень, чешск. jeseň и oseň; при ѣдва русск. одва, хорут. (Mikl. Lex.) odvaj, что Миклошичъ сопоставляетъ съ литов. adwōs. Важность этихъ отклоненій должна быть соразмѣряема съ тѣмъ, что и всѣхъ словъ съ начальнымъ ie=о немного, едва ли наберется два десятка: кроме вышеупомянутыхъ—ѣдинь, ѣзеро, ѣжина, ѣже, ѣлень, ѣсе, ѣсетръ и немногія другія. Затѣмъ, допустить, что дѣйствительно только Русскій языкъ имѣетъ о=ie (олень=ѣлень), обязаны ли мы изъ этого заключать, что о изъ ie? О подобныхъ вопросахъ будетъ рѣчь ниже по поводу полногласія.

3) «Слова съ начальнымъ e, заимствованныя изъ чужа, измѣняютъ въ Русскомъ этотъ звукъ на o: ѣлаюу—олѣй». Примѣръ выбранъ дурно, такъ какъ олѣй, м.-р. олія есть форма не только русская, но и польская, чешская, хорутанская (olej) и сербская (олај при улье), и, вѣроятно, примыкаетъ прямо къ oleum; но есть значительное число другихъ примѣровъ: Евсевій—м. р. Овсій, Евстафій—м.-р. Остап, Евстратій—Овъстратъ (Новг. I, 31, Син.), Елезаръ—м.-р. Олизаръ, Елевое-рій—м. р. Олихвер, Олихвир (оба послѣднія стали родовыми прозвищами), Емилианъ—м.-р. Омелян, Евдокія—в.-р. Овдотья, Авдотья (м. р. Явдоха), м.-р. Вивдя (то есть, Овдя), кажется, Евдоксія; Елена—Олена; м.-р. Орина изъ ѣрина, Ирина. Можетъ быть, сюда же относится осетръ—ѣсетръ, если это слово заимствовано, какъ полагаютъ, изъ лат. sturio (Miklosich Fremdwörterb.) черезъ посредство формы съ приставочнымъ e, въ родѣ e-stur (франц. esturgeon). Можно думать, что здѣсь

русское *о* изъ *jo*, а это изъ *je*, *e*, то-есть, что, напри-
мѣръ, Овсѣй — изъ Іовсѣй, Іевсѣй, Евсвѣй, подобно то-
му, какъ болг. *оште*, при посредствѣ *jo*, какъ въ серб.
joште, хорут. *jošće* — изъ *ieše*. Относительно опущенія
j ср. Осипъ изъ Іосипъ, Акимъ изъ Якимъ. Однако,
еще вопросъ: слѣдуетъ ли тѣмъ же путемъ объяснить
и всѣ древнія русскія слова съ начальнымъ *о*? Слѣдо-
вало бы, еслибы небыло другаго способа объясненія;
но мнѣ кажется несомнѣннымъ, съ одной стороны,
что *о* можетъ возникнуть прямо изъ *a*, съ другой
— что отъ того же *a* можетъ пойти и *ю* черезъ по-
средство *я*. Такимъ образомъ *ошути*, напрасно, мо-
жетъ ближе стоять къ ст.-слав. *ашуть*, чѣмъ къ
ст.-слав. *юшуть*. Утвержденіе, что *ю* въ послѣдней фор-
мѣ «указываетъ на болѣе древнее *о*, а не *a*» (Schmidt
въ *Beiträge* VI, 131) въ своей исключительности
произвольно: *юшуть* могло возникнуть изъ формы, то-
же отмѣченной въ памятникахъ, *пшуть*. Недумаю,
чтобы, на оборотъ, можно было доказывать произ-
водность *пшуть* отъ *юшуть*, указывая на такія позд-
нія явленія, какъ м.-р. *Јѣтухъ* (а не *Овтухъ*, хотя и
это встрѣчается въ западно-русскихъ памятникахъ) изъ
Евтихій, *Јрема* изъ *Іеремія*. Напротивъ, относительно
ја изъ *a* можно сослаться, между прочимъ, на обще-
слав. *јаворъ*, заимствованное изъ нѣм. *ahorn*. Такъ до-
гадывается уже Линде, а нынѣ Миклошичъ (*Fremdwör-
terb.*). Въ пользу этого говорить и б.-р. *jáhor*, въ коемъ
h я прежде (Два изслѣд., 69) считалъ происшедшимъ
изъ *в*. Литовское *owagas*, *яворъ*, было бы въ такомъ
случаѣ древнѣе, чѣмъ *jowagas*, и указывало бы на рус-
скую форму *аворъ*. Подобнымъ образомъ хорут.-сербск.
јасика можетъ быть отнюдь не изъ *јесика* (хорут.), а
прямо отъ *a*, отъ котораго въ другую сторону пошла
форма съ начальнымъ *о*: русск. *осика*, *осина*, польск.
osika, чешск. *osyka* (съ *y*?). Такъ, *ја* въ *јасенъ*, серб.
јасен, хорут. *jesen*, *јасан*, кажется древнѣе, чѣмъ *је* въ
Польск. *jesion*, Чешск. *jesen*, и пошло прямо отъ *a*, откуда
и въ Литовск. *ûsis*, *osis*, нѣм. *esche*. Такъ, *я* въ М.-р.

ялина, *іель*, и *ялівецъ*, польск. *jałowies*, чешск.-слов. *jalovec*. в. л. *jałowc*, н. л. *jałoweis*, можжевельникъ, можетъ вовсе не предполагать того *ю*, которое находится въ *іель*, если только эти слова сродны. Незнаю, можно ли приписать большую древность *ја* въ Хорв. *jalša* (при хорут. *olša*, *jelša*)?

Изъ числа старинныхъ незаимствованныхъ словъ съ русск. *о* = *ю* лишь одно, мнѣ кажется, можно съ нѣкоторою увѣренностію объяснять такъ, какъ *Овсій* = *іевсвій*, именно — союзъ *оже*, относя его къ мѣстоименному корню *ја* (хотя отъ *иже*. средній родъ и въ русскихъ памятникахъ имѣетъ *ю*, а не *о*: *іеже*, *поніе* и пр.).

IV.

Мифыя о происхожденіи *ъ* и *ь* и времени ихъ исчезновенія въ Русскомъ.

«Что глухіе древне Русскому языку были свойственны», говоритъ г. Колосовъ, «въ томъ нельзя сомнѣваться въ настоящее время» (Оч., 26)—выраженіе не совсемъ точное, какъ видно изъ слѣдующей тамъ же ссылки на мифыя г. Гатталы. Г. Гейслеръ, авторъ труда, поименованнаго въ заглавіи этой статьи, былъ, по его словамъ, слушателемъ профессора Гатталы и пользовался при составленіи своей книги совѣтами этого ученаго (Fonologie, VI). Онъ утверждаетъ, что русск. *о*, напри- мѣръ, въ *полнъ* отнюдь не возникло изъ *ъ*, какъ мы привыкли думать; что, напротивъ, это *о* въ подобныхъ случаяхъ есть звукъ основной для старо-Болгарскаго (=ст.-Слав.) и Русскаго, но не для Польскаго, въ которомъ *е* (*peŋny*), равно какъ *і* въ *wilk*, суть ослабленія, возникшія независимо отъ ст.-Болг. и Русскаго (Fonologie: § 47). *Ъ*, говоритъ онъ, такъ сказать, «передъ нашими глазами возникаетъ изъ *о*» въ слѣдующихъ случаяхъ,

«1) въ творительномъ пад. ед. ч. муж. и ср. р. склоненія -а: *гладѣмъ*, *дѣлѣмъ* изъ — *омѣ*», ибо хотя въ

вить Ассеманіево Евангеліе наравнѣ съ Остромировымъ, или выше его. Я полагаю, что въ Ассеманіевомъ Евангеліи и подобныхъ ему памятникахъ *о, е* въ иноплеменникос (Остр. = иноплеменьникъ съ) денет (Срезн. Глаг. пам., 6 = Остр. день ть) совершенно объясняются тѣмъ же, чѣмъ и подобныя явленія въ русскихъ памятникахъ (хѣлмоть) и въ случаяхъ, проводимыхъ г. Гейтлеромъ изъ старо-чешскаго (*večeroš*) и современнаго болгарскаго (празникот), именно тѣмъ, что конечный глухой звукъ мѣстоименія исчезъ и, вслѣдствіе этого, предыдущій прямой слогъ превратился въ средній, потребовавшій за тѣмъ, при новомъ фонетическомъ складѣ языка, замѣны глухаго звука чистымъ. Это совершенно такъ, какъ въ современномъ Русскомъ въ *сон* и т. п. (Два изслѣд., 56). Тоже о творительномъ *омъ*, предполагающемъ, что конечное *ъ* уже не выражаетъ гласнаго звука, вмѣсто Остромировскаго *змъ*. Если бы въ твор.-*омъ* была общеславянская форма болѣе древняя чѣмъ *-змъ*, то въ *мр.-вост.* твор. ед. м. р. было бы *панім*, въ Польск. *рапом*, въ Чеш. *рапѣм* (какъ въ дат. *ми*) между тѣмъ, какъ на дѣлѣ — въ *Мр. паном*, въ Поль. и Чеш. *рапем*.

Мнѣніе, что *раб-а* возникло изъ *раб-о* и что было время, когда въ Славянскомъ языкѣ слова этого рода по звукамъ ничѣмъ неотличались отъ *иго*, вызвано только желаніемъ доказать, что вообще *а* произошло изъ *о*. Напротивъ, можно думать, что съ самаго того времени, когда возникло различіе родовъ и падежей, именительные мужескаго рода *-ас* и средняго рода *-ам* уже никогда не отождествлялись и въ звуковомъ отношеніи. Положеніе, что Славянскій языкъ потерялъ конечные согласные, если неприкрылъ ихъ новыми суффиксами, вообще несомнѣнно, но не въ томъ смыслѣ, что потеря конечныхъ согласныхъ наступила вездѣ одновременно, стерла прежнія грамматическія различія и заставила языкъ вновь отыскивать эти различія какъ-бы въ потьмахъ. Могло случиться и такъ, что *-м* въ *а-м* исчезло раньше, чѣмъ *с* въ *а-с*, вслѣдствіе чего тематическое *а* въ обоихъ случаяхъ подверглось неодинаковымъ измѣне-

нiямъ. Миѣ кажется, что именно на это указываетъ Литовскiй языкъ. Извѣстно, что *с* въ *а-с* уцѣлѣло въ литовско-Латышскомъ донынѣ, и только предшествующее ему *а* уже по раздѣленiи этого языка исчезло въ Литовскомъ въ извѣстныхъ случаяхъ (pon *s*, но *gars-a-s*, Schleicher, Lit. Gram., 82), а въ Латышскомъ во всѣхъ словахъ муж. р. темы *а*. Чтѣ случилось съ среднимъ окончанiемъ *ам*, объ этомъ, казалось бы, менѣе всего слѣдовало совѣтоваться съ Литовскимъ и Латышскимъ языками, такъ какъ они потеряли среднiй родъ; однако, въ Литовскомъ сохранились остатки этого рода въ одной формѣ причастiй страд. наст. и прошедш. и причастiя необходимости на *tina*, въ безличныхъ оборотахъ, отчасти буквально сходныхъ съ такими, какъ *хожено*, *лажено*, польск. *mówiono*, ст.-чешск. *byto* (*man war*): литовск. *to dėl sakoma*, буквально — того дѣла говоримо, то-есть, потому то и говорится, напримѣръ, въ пословицѣ; *taipo nedaroma*, буквально: такъ недѣлаемо, то-есть, такъ негодится дѣлать (Библия); *ne turėjo tą wakarą but skalbiama* Schleicher, Leseb 202), буквально — не имѣло въ тотъ вечеръ быть прано, то-есть, не слѣдовало мыть бѣлья; *man pravelyta yr, miš повелѣно*; *tai Déwo žadėta, tai prilikta buwo* (Schleicher Gr., 318), это отъ Бога обѣщано, это было допущено (о судьбѣ), *szėnden eitina* (ib. 320), буквально — сегодня идомо, то-есть, необходимо идти.

По видимому, и въ такихъ выраженiяхъ, какъ лит. *je rado daug iszwogta*, они нашли (что) много выкрадено; *jis rado swetimo buta*, онъ нашелъ (что) (отъ) чужого было, то-есть, что кто то чужой былъ, — нѣтъ надобности писать этимологически *iszwogta*, *buta*, какъ думалъ Шлейхеръ (Lit. Gr., 319). Окончанiя *-м*, общаго въ среднемъ родѣ ед. ч. тремъ падежамъ, давно здѣсь невидно; между тѣмъ знакомъ ринезма, напримѣръ, *ž*, означается обыкновенно относительно недавняя потеря носовой согласной, которая можетъ быть возстановлена внутренними средствами Литовскаго языка, безъ помощи болѣе обширнаго сравненiя. Различенiя, подоб

ное тому, какое замѣчается между лит. муж. *sakomas* и среднимъ *sakomā*, могло лежать въ основаніи славянскаго различія между конечнымъ *з* и *о*. Латышскій языкъ при этомъ оставляется въ сторонѣ, такъ какъ въ немъ, въ случаяхъ подобныхъ вышеприведеннымъ, ставится причастіе въ мужескомъ родѣ: *dēws gan gulēts*, буквально—довольно спать, то есть, спано (Bielenstein, Lett. Gr., § 770). Сравнительно съ Литовскимъ, это явленіе позднее. Незнаю, на сколько, изложенное мною мнѣніе объ исчезновеніи *-м* въ именит., винит. ед. сред. въ славяно-литовское время можетъ быть ограничено или опровергнуто тѣмъ, что Биленштейнъ говоритъ о латышскихъ нарѣчіяхъ на *-am*, *u*, *im*, въ конхъ, по его словамъ, навѣрно сохранились формы среднего рода (Lett. Gr., § 210). Онъ неговоритъ, какой именно падежъ онъ разумѣетъ, такъ что изъ его словъ не слѣдуетъ, чтобы онъ считалъ латышскія нарѣчія *klusam*, *klussu* этимологически равными съ *тихо*. Окончаніе *am* можетъ принадлежать не именительному-винительному, а другому падежу, напримѣръ, дательному ед. ч. въ смыслѣ творительнаго, хотя послѣдній въ ед. ч. въ Латышскомъ языкѣ совпадаетъ не съ дательнымъ, какъ во множественномъ числѣ, а съ винительнымъ. Навѣрное является дательный въ одномъ изъ приводимыхъ Биленштейномъ примѣровъ, именно въ *pa maz-am* =м.-р. помалу, срав. лит. *po mažam* (предл. *po* съ дат. ед.)=по маломъ времени (Schleicher, Lit. Gr., 291) и лит. *ramažiui*, *ramaži*, тоже, что *ramaži*=мр. помалу. Мнѣ неясно, какой падежъ въ Литовскихъ нарѣчіяхъ *ra-lengwā* и *lengwā*, тихо, медленно. Есть ли это сокращеніе изъ *lengway*=льгъцъ, или это—тоже, что *rawilyta*, то-есть, именительный ед. ср.?

Что *о* въ *бого угоднъ* есть тематическая гласная, или точиѣе, замѣтна основной тематической гласной *а*, это такъ; но что изъ этого слѣдуетъ, будто *з* въ *Богъ* перешло черезъ ступень *о*, этого невидно: условія, при которыхъ возникло *з* въ *Богъ* и *о* въ *бого*, различны.

Было бы долго разсматривать порознь всѣ слова,

приводимыя г. Гейтлеромъ (§§ 9, 3, 4) въ доказательство происхожденія *з* изъ *о*. Вообще чередованіе въ этихъ словахъ *з* и *о* троякаго рода: 1) такое, которое мы относимъ къ случаямъ позднѣйшей замѣны глухого звука чистымъ, а г. Гейтлеръ наоборотъ, напримѣръ, дождь—дѣждь; 2) такое, гдѣ *з* вмѣсто *о* есть или ошибочная, или діалектическая, то есть позднѣйшая замѣна, напримѣръ воскъ вмѣсто воскъ; 3) такое, гдѣ въ двухъ различныхъ образованіяхъ находимъ въ одномъ *о*, въ другомъ *з*, напримѣръ, корень и кзръ. при чемъ каждый изъ этихъ звуковъ на своемъ мѣстѣ, по нашему, общеславянскій.

Допуская второй случай, я тѣмъ самымъ признаю, что въ отдѣльныхъ, вообще рѣдкихъ, случаяхъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ новоболгарскаго и хорутанскаго (гдѣ это часто), имѣются или имѣлись глухіе звуки позднѣйшаго образованія, и что основное *о* можетъ діалектически переходить въ глухой звукъ и исчезать, какъ въ русскомъ литературѣ. *ровъ* *з*—*реа* (изъ *рзѡа*), при основной формѣ *ровъ*, род. *рова*, по аналогіи съ *ротъ*, *рта* (осн. ф. *рѡтъ*, *рѡта*). Но я слѣдую тѣмъ, которые отличаютъ позднѣйшіе глухіе и позднѣйшіе бѣглые гласные отъ тѣхъ, которые предполагаются всѣми славянскими нарѣчіями.

Рѣшительное доказательство г. Гейтлера заключается въ слѣдующемъ (Fonologie, § 10):

1) «Нѣтъ объективнаго доказательства, что *з* возникло изъ *а*, а между тѣмъ «естественный переходъ отъ *а* къ слабѣйшей гласной *з* составляетъ *о*». Естественнымъ г. Гейтлеръ называетъ здѣсь апріорное рѣшеніе, что возможенъ только такой, а не другой переходъ. Мало ли что въ языкѣ считалось невозможнымъ, но оказалось дѣйствительно существующимъ? Въ настоящемъ вопросѣ можно сослаться на то, что южно.-в. р. именно основное *а*, а равно и *а* изъ *о* неударяемаго въ извѣстныхъ случаяхъ, переходитъ въ глухой звукъ: *і*-варит (3 слога) не пзъ *говорит*, а ближайшимъ образомъ изъ *гаварит* (см. Два изслѣдованія о звукахъ Русск. языка, 61—62).

Въ такой же глухой звукъ такъ же могутъ переходить и всѣ остальные твердые гласные (см. *ib.*). Поэтому мнѣ нисколько некажется нужнымъ предположеніе, что основное *y*, чтобы стать глухимъ звукомъ, должно было перейти черезъ ступень *o* (Fonologie, § 12): *z* могло прямо образоваться изъ *ŷ*. Славянскія формы съ *o* тамъ, гдѣ предполагается основное *y* (медо-точивъ, дат. мн. сыномъ), легко объясняются не фонетически, а переходомъ темы *-y* въ тему *-a*, то-есть, тѣмъ, что форма *медо* образована не согласно съ тою темою, которую мы находимъ, напримѣръ, въ звательныхъ *меду*, *сыну*, а такъ, какъ будто основная форма темы есть *madha* и *supa*. Въ иныхъ случаяхъ допущеніе основнаго *y* можетъ быть и ошибочно. Такъ, ошибочнымъ кажется мнѣ мнѣніе, что *o* въ *льгота* принадлежитъ къ именной темѣ *laghu*, а не къ суффиксу (осн. ф. *atā*); что первое *z* въ *писакъ* тоже изъ тематическаго *y*. Въ послѣднемъ случаѣ г. Гейтлеръ напрасно слѣдуетъ за ссылкою Миклошича (Lexicon: пѣськъ) на Потта *Forschungen*, 2, 1, 324, и сближаетъ славянское слово съ санскр. *pānsu*, пыль. Правильнѣе было сближено *пѣс-зкъ* относительно корня съ санскр. *пиш* (VII кл.), растирать (какъ скр. *чурна*, пыль, собств. пѣчто растертое), куда тянуть и славянскія слова *пшено*, *пшеница* (Mikl. Pott.), и съ литовск. *pais-y-li*, околачивагъ ячмень, обмолачивать, русск. *опихать* пшено. Суффиксъ *-зкъ* было бы произвольно дѣлать на *з-кз*, или *з-к-ъ* вмѣсто *-зкз*. Первое *z* здѣсь принадлежитъ суффиксу производнаго слова, а не темѣ первообразнаго.

Въ § 14 и слѣд. г. Гейтлеръ старается доказать, что *z* ближайшимъ образомъ возникло изъ *e*, каковъ бы ни былъ основной звукъ, предполагаемый этимъ послѣднимъ. Его доказательства здѣсь вообще сходны съ тѣми, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе о происхожденіи *z* изъ *o*. И здѣсь на первомъ планѣ формы Ассеманіева Евангелія, то-есть, то, что намъ представляется позднѣйшею замѣною болѣе древняго *z*, именно формы: *денетъ*, *страненъ*, *вѣренъ*, *вѣнецъ*.

Чередованіе между *е* и *ь* въ *страненъ*, при *странъ*-на приводитъ г. Гейтлера не къ тому заключенію, что въ первой формѣ *ъ* на концѣ уже непроизносилось (Miklosich, Vergl. Gr. I. 72), а къ тому, что въ этомъ чередованіи *е* древнѣе, чѣмъ *ь* (Fonologie, § 19, 4). Чешскія формы *den*, *lehký*, *pes*, а равно и соотвѣтствующія имъ нынѣшнія русскія съ *е* для автора ступенью древнѣе, чѣмъ *днь* и пр. (ib. § 20). Точно такъ же и формы родит. множ. *дънеи*, *людѣи*, *дѣтеи* (Ассем. Евангеліе) и такія же нынѣшнія русскія для него древнѣе, чѣмъ *дънии* и пр. Напрасно возражать, что окончаніе *ии* не только есть господствующее въ тѣхъ старославянскихъ памятникахъ, которые мы считаемъ болѣе древними, но и предполагается польскимъ, чешскимъ и сербскимъ, что *еи* является господствующимъ и въ русской письменности далеко не съ самаго ея начала. Г. Гейтлеръ предпочитаетъ заключеніе отъ созданнаго имъ самимъ общаго: «Всякое краткое *и* (*i*) на славянской почвѣ измѣняется въ *е*; слѣдовательно, окончаніе родительнаго множ. *іу* (лит. ака *iū*, *žwer-iū*) перешло сначала въ *ез* *), за устраненіемъ гѣта—въ *ејз*, посредствомъ ассимиляціи—въ *еи*, отсюда, вслѣдствіе уже полной ассимиляціи, въ *ии*» (Fonologie, § 26).

Для себя я считаю лучшимъ остаться при слѣдующемъ мнѣніи о происхожденіи *ь*, мнѣніи, которое какъ и Гейтлерово, есть только *mutatis mutandis*, повтореніе мнѣнія объ *з*: *ь*, какъ и *з*, есть звукъ общеславянской. Кромѣ позднѣйшихъ отклоненій, чистые звуки, изъ коихъ возникли эти глухіе, относятся не къ славянскому, а къ дославянскому періоду. **) Возникновеніе *ь* предполагаетъ нѣкоторую степень палатализаціи предыдущей согласной, а за невозможностью непосредствен-

*) Н. б. *ъ* послѣ гласнаго звука!

**) По Гейтлеру (Fon. § 27) «даже въ отдѣльныхъ слав. нарѣчіяхъ чистыя гласныя древнѣе глухихъ: «полныя переходятъ въ полугласныя, а не наоборотъ».

ной палатализациі, измѣненіе гортанной въ шипящую. Въ этомъ отношеніи ъ сходно съ е. Ъ въ конь и ѳ въ *поле* одинаково предполагають а послѣ небной согласной, но возникли при различной обстановкѣ, о чемъ уже сказано выше по поводу з и о. Что глухой звукъ можетъ непосредственно происходить изъ я и другихъ йотированныхъ гласныхъ, это видно изъ южв.-в.-р. *пи-р-ва зй* (4 слога; можно бы написать *пи рь-ва зи*) изъ *пирявзй*, то-есть *перевези*, и т. п. При такихъ же условіяхъ какъ и въ *конь* (ѣ=ја-с) ъ, по всей вѣроятности, возникло изъ ју между прочимъ въ тѣхъ именахъ муж. р. на й, въ конхъ ъ на концѣ не писалось, но безъ сомнѣнія, произносилось, и кои соотвѣтствуютъ литовскимъ на јus. Возникновеніе ъ изъ е въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно, но оно ошибочно, какъ общее правило.

При опредѣленіи первоначальной разницы между з и ъ за фонетическую единицу должны приниматься не эти гласныя сами по себѣ, а ихъ сочетанія съ предыдущею согласною, независимо отъ коей з и ъ были тождественны. Тотъ фактъ, что въ стар. Сербскомъ оба глухіе замѣняются однимъ знакомъ ъ, а потомъ оба переходятъ въ чистое а (*сънь*=сан, *днь*=дан), допускаетъ такое толкованіе: при самомъ началѣ обособленія нарѣчіе это удержало первоначальное тождество гласнаго элемента еровъ, именно потому, что уже тогда начала въ немъ исчезать разница между твердостью согласныхъ передъ з и мягкостью передъ ъ. Въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ русс. ляхское, въ тоже время противоположность твердости и мягкости согласныхъ стала увеличиваться, что повело къ разграниченію гласнаго элемента ѣ и ъ, а за тѣмъ къ различнымъ ихъ замѣнамъ чистыми. Въ свойствахъ глухихъ звуковъ и ихъ замѣнъ въ Сербскомъ я не могу усмотрѣть основанія для предположенія, что это нарѣчіе обособилось раньше другихъ слав., когда послѣднія составляли еще одинъ языкъ (ср. Jagić, Podmladjena vokaliz. 24, Rad IX).

Мнѣніе мое объ общемъ значеніи з и ъ находится

Изъ того что, но и
отъ ѳ въ конь
говоря.

въ связи съ изложеннымъ ниже, въ главѣ «объ этимологическихъ различеніяхъ гласныхъ» мнѣніемъ объ *ѣ* и *ѧ* *)

Относительно произношенія *ѣ* и *ѧ* въ древнемъ Русскомъ я думаю, что хотя эти звуки незадолго до своего перехода въ *о*, *е* должны были быть близки къ этимъ послѣднимъ, но близость эта, какъ уже упомянуто, не была тождествомъ. Свойство глухого звука именно и состоитъ въ нѣкоторой неопредѣленности. Быть можетъ, слѣдуетъ придавать нѣкоторое значеніе тому, какъ представлялись эти глухіе звуки ближайшимъ сосѣдямъ Руси. Въ Литовскомъ, при большомъ количествѣ позднѣйшихъ заимствованій изъ Русскаго языка, сохранились и такія, которыя кажутся болѣе древними, чѣмъ исчезновеніе еровъ въ Русскомъ. Если *ѣ* въ Литовскомъ *gryniczia*, *gesindestube* (то-есть, гридьница) исчезло, то оно сохранилось въ видѣ *i* въ *griwina* (гривьна), *kriwida* (кривьда), быть можетъ, и въ *triwoga* (тръвога), между тѣмъ, какъ *triwoti* могло возникнуть черезъ зап. и южн. русск. *тривати* изъ поль. *trwać* (одинъ слогъ). Въ числѣ случаевъ, на которые указываютъ, какъ на подтвержденіе того, что *ѣ* произошло изъ основнаго *у* (*и*), есть такія литовскія слова, которыя мнѣ кажутся прямыми заимствованіями изъ Русскаго языка и въ ко-

субали?

*) Для сравненія привожу слѣдующ. изъ Разсужд. о Слав. языкѣ Востокова (1820, перепеч. въ Уч. З. Ак. Н. II, 18):

«Полугласныя *ѣ*, *ѧ* ничто иное суть, какъ стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ *а*, *е*, *и*, *о*, *у*, но недостигающее сего полного изглаголенія, потому что, на половинѣ пути остановленное, ударяется въ небо, вмѣсто того, чтобы устремиться въ отверстіе рта. Ближе подходитъ къ чистымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути и ударяется въ переднюю часть неба, почти къ деснамъ; *ѣ*, напротивъ того, при самомъ исходѣ изъ гортани въ небо ударяется.... *ѣ* или *ѧ* (ибо это одно и то же) находится и въ другихъ языкахъ подъ именемъ *j* или *y*.... Западныя Славяне, пишущіе латинскими буквами, неимѣють у себя знака для дебелой полугласной, кромѣ Поляковъ, кои *л* выражаютъ косвенно

ихъ, наоборотъ, литовское *u* передаетъ русское *z*: *ku-metys*=*кузметъ*, *tulkas*=*тълкъ*, (въ значенія толковника), *tulkoczus*=*тълкачь* и *tulmoczus*=*idem* (вѣроятно тълкачь, ср. мр. товкмачити), *pulkas*=*пълкъ* (въ разныхъ значеніяхъ, какъ и въ литовскомъ, напримѣръ, полчокъ дѣвокъ, какъ говорится «дѣвокъ табунокъ»), *kurtas*=*хъртъ*, *stulpas*=*стылпъ*, *strustis*=*трѣсть*. Слово, какъ *тълкачь*, въ этой формѣ нѣтъ въ Польскомъ (есть *tluczek*); будь оно заимствовано хотя и изъ Русскаго, но поздно, когда *z* измѣнилось въ немъ въ *o*, то оно имѣло бы въ Литовскомъ *a* (*talk*), а не *u*.

Съ другой стороны, есть случаи, въ коихъ русскій *z* является въ литовскомъ и въ другомъ видѣ. мр. *дба-ти* на що (польск. *dbać* на со, обращать вниманіе) предполагаетъ форму *дбаати*. Въ этомъ словѣ *z* въ историческія времена никогда непроизносилось какъ чистое *o*, иначе оно немогло бы исчезнуть. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что отъ этого *z* произошло *a* въ Литовскомъ, заимствованномъ *daboti*, между тѣмъ, какъ лит. *athoti*

перечеркнутымъ *Ѥ*. Прочимъ Славянамъ ненужно теперь такого знака, потому что они потеряли звукъ изображаемый *Ѥ*-мъ. Въ богем. словѣ *ѣк* слышенъ полугласный звукъ не дебелый, какъ *ѣлкъ*, и не тонкій, какъ *ѣлкъ*, а средний, какимъ сопровождается *ѣ* въ Нѣм. и Франц. Богемцы, Сербы и можетъ быть всѣ южн. Славяне весьма рано утратили.... ежели когда имѣли, дебелый полугласный звукъ *Ѥ*-ра.... Сербы и Болгары потерявши *Ѥ*, потеряли и составную съ нимъ гласную *Ѥ* или *ѣ*, которую нынѣ всѣ Юго-славяне какъ *и* выговариваютъ. Они замѣнили и въ начертаніи сей составной буквы *Ѥ*-мъ, можетъ быть еще въ *X* или *XI* в.

Здѣсь ошибочно-различіе еровъ по степени ихъ чистоты, отождествленіе гласнаго *Ѥ* съ согласнымъ *ѣ*, смѣшеніе твердости и мягкости согласныхъ, составляющихъ съ *Ѥ* и *ѣ* одинъ слогъ съ противоположностью твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ случаяхъ, какъ *ла*, *ля*. Но въ томъ, что Востоковъ называлъ большею близостью *Ѥ* къ полнымъ гласнымъ и прираженіемъ воздуха къ передней части неба, можно видѣть лишь небытность согласной передъ *Ѥ*.

пошло отъ формы *дбати* уже безъ *з*, но, быть можетъ, слабленной эвфоническою приставкою, какъ въ *авчера* = *чера*. Въ этой послѣдней литовской формѣ, по недоразумѣнію и въ силу стремленія осмыслить этимологически-неясное слово, *at*-принято за литовскій предлогъ *at* и отъ якобы—предложнаго глагола *at boju* образованъ простой *boju*—*boti*=*дбаю*—*дбати*.

О времени исчезновенія глухихъ гласныхъ въ Русскомъ языкѣ г. Колосовъ говоритъ: «глухіе въ XIV вѣкѣ по всей вѣроятности въ рѣчи уже неслышались. Въ томъ убѣждаютъ: частое опущеніе ихъ въ корняхъ и суффиксахъ, замѣна чистыми тамъ, гдѣ, въ слѣдствіе стеченія согласныхъ, совершенное отсутствіе гласнаго невозможно... Слѣды глухаго сохраняются однакоже и въ этомъ вѣкѣ, т. е. является еще нерѣдко на мѣстѣ глухого чистый тамъ, гдѣ впоследствии его уже не встрѣчаемъ, напр. Болонескъ, Можаетскъ, царство» (Оч. 102). Въ болѣе позднемъ своемъ соч. г. Колосовъ, какъ и слѣдуетъ, болѣе специализируетъ вопросъ: «Случаи сохраненія слѣда глухихъ въ (новомъ) сѣвер.-влр. наводятъ на заключеніе, что въ немъ глухіе жили долѣе, чѣмъ въ южномъ. Слишкомъ однакоже сомнительно, чтобы даже въ XIV в. они, какъ думаетъ г. Потебня (Два изслѣд. 56), на сѣверѣ произносились еще явственно какъ глухіе. Едва ли въ то время они гдѣ либо въ области Русс. языка еще слышались» (Матеріалы, 20).

Посмотрю еще разъ, великъ ли излишекъ сомнительности въ томъ моемъ мнѣніи, что древніе глухіе во все нетакъ далеко остались за нами, какъ думаютъ нѣкоторые, между прочимъ и болѣе радикальные въ этомъ отношеніи, чѣмъ г. Колосовъ.

Во-первыхъ, относительно ювр. Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о массовомъ появленіи новыхъ глухихъ звуковъ изъ древнихъ чистыхъ въ ювр. говорахъ

(Два изслѣд. 61, 66); но никто меня неубѣдитъ, что я неслышалъ въ нынѣшней ювр. пѣснѣ (т. е. въ пѣніи) явственныхъ *словъ*—*тзъ*: «за рѣшо-ть-ками, за желѣ-зъ-ными». Равно, никому я не повѣрю, что теперь нельзя услышать «Курѣскъ» (небное *р* и неясственное *е*) при односложномъ Курск и Курск. Зная обычныя формы «жимши, бымши, богатства, смѣртномъ», за что, если не за *survival* древнихъ глухихъ гласныхъ, я долженъ счесть формы: жимѣши, бымѣши (Можайск. у. Кал. пер. I, 45), богатѣства, *ib.* богатѣства *ib.* 52, при семѣртномъ часѣ, *ib.* 97, при семѣратнымъ часѣ (*ib.* Влад. г. уже съ свр. отѣнкомъ; *семьрат...*)? А между тѣмъ насъ отдѣляетъ отъ XIV в. полъ тысячелѣтія. Поэтому я нимало не сомнѣваюсь въ томъ, что въ русск. кондакаряхъ XII—XIII в. (Срезн. Пам. Русск. письм. 186, 220) заключено несомнѣнное свидѣтельство того, что въ это время въ русск., по крайней мѣрѣ мѣстами, слоги съ глухими протягивались въ пѣніи: «отъ зѣзѣлъхъзѣ»=отъ зѣлъ (по съ графическимъ изображеніемъ того гагаканья, которое и теперь можно услышать въ деревенскихъ церквахъ), «дѣзѣзѣзѣзѣзѣ»=дѣнзѣ. Извѣстно, что стихирарь конца XIV или нач. XV в. съ крюковыми нотами подъ *з* и *в* (въходъ—трехсложно, ликъ—2-хъ сложн., свѣтлыи—4-хъ сложн., *весей*=*всей*) далъ основаніе Востокову сказать, что «сіи буквы въ старину слышны были въ произношеніи, а въ пѣнѣхъ протягивались также, какъ у Французъ *e muet*» Вост. Оп. Рум. Муз. стр. 650). Эта «старина» была между прочимъ и XIV-е столѣтіе. Въ позднѣйшихъ стихираряхъ XVI и XVII в. сохраняется тоже живое преданіе, съ тою разницею, что вм. *зъ*, *в* ставятся чистыя *о* и *е*: «возносяи себе сомиритеся. Сомиримося предо Богомъ мытарескы постоме возывающе»; на недвижимомъ камени, святымъ духоме» (*ib.* 651—4). Я говорю здѣсь объ этихъ памятникахъ не потому, что считаю ихъ ювр-ми, а лишь по поводу глухихъ, слышныхъ спорадически въ нынѣшнемъ пѣніи, конечно, больше, чѣмъ въ просторѣчии.

Изъ двухъ вышеприведенныхъ мѣстъ видно, что г. Колосовъ видитъ въ формахъ, какъ Болонескъ (XIV в.), не графическое только, но настоящее *е*. Между тѣмъ, такъ какъ опущеніе чистыхъ гласныхъ въ Русск. языкѣ вообще рѣдко, то вся вѣроятность въ пользу слѣдующаго: если бы въ XIV в. или раньше въ именахъ на *-ѣскъ* произносилось чистое *е*, а не *ѣ*, то это *е*, такъ и осталось бы донынѣ, какъ въ человѣчскій и т. п. Однако *ѣ* въ *-ѣскъ* (*ѣ*) исчезло вездѣ, гдѣ только была возможность его выпустить. Отсюда видно, что въ южно-великорусскихъ (по крайней мѣрѣ не новгородскихъ) грам. XIV в. *-ѣскъ* слѣдуетъ читать: *ѣскъ* (*ѣ*). Такъ въ Духовной Ив. Калиты 1328 (Соб. Г. Гр. I, № 21) Можаяескъ (т. е. Можайскъ), при постоянномъ сохраненіи *ѣ* въ другихъ именахъ на *ѣскъ*: Коломенскими, въ Похрянскомъ у., село Рузское, какъ и въ Дух. Свм. Ив. 1353 (ib. № 24) — у Дрюцкаго. Въ послѣднемъ слогѣ *и* вм. *т* (Дрюцкскъ) показываетъ не исчезновеніе *ѣ*, а лишь вліяніе *с* на *т'* черезъ *ѣ*. Въ Догов. и дух. гр. Дм. Ив. 1388—9 (ib. № 33—4) — Можаяескъ, Болонескъ при *ѣ* въ Коломенскій, Звенигородскіе и *ѣ* въ — Московскихъ. Въ запад. русск. гр. короля Влад. (Срезн. Пам. Русск. п. 266) — Мѣнескъ, Вобруескъ, Ропонескъ, Логожескъ, Полтескъ. Формы: Логозесская дань и Полоцкомъ допускаютъ такое же толкованіе, какъ и выше Дрюцкаго, именно Логозесская, Полоцкомъ. Изъ написанія Козлескъ (1405 г. Соб. Г. Гр. № 38), при нынѣшнемъ Козельскъ, видно, что и написаніе Козельска (ib.) слѣдуетъ читать четырехсложно. Кто говоритъ *дѣщанъ* (а не *чанъ*), тотъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что въ его произношеніи сохранился *ѣ*, послѣ *ѣ*, хотя и не столь явственный, какъ въ стар. дѣщанъ. Такимъ образомъ и написаніе: по Тцну, отъ усть Тцны, по Тцнѣ (Дог. гр. Дм. Ив. съ Олг. Риз. 1351, С. Г. Гр. I, № 32) указываетъ на слѣдъ глухого, потеряннаго въ нынѣшнемъ Цна. Итакъ въ этихъ, а вѣроятно и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, глухіе въ ювр. XIV в. существовали.

Чтожь тутъ мудрёнаго, если въ подобныхъ случаяхъ они есть и теперь? Что до конечныхъ *з*, *ь* въ ювр., то и я того мнѣнія, что въ это время они уже необразовывали слоговъ.

Во-вторыхъ, относительно нѣкоторыхъ свр. говоровъ.

Самъ г. Колосовъ приводитъ замѣчаніе Гильфердинга, что одинъ Пудожскій пѣвецъ вм. *з* (на концѣ) произносилъ почти *и* (идѣты=тъ), а вм. *ь* въ -ьск, *ьп* — почти *и*. Къ послѣднему случаю примыкаетъ то, что и вообще въ Онежскихъ пѣсняхъ, на мѣстѣ *ь* въ суффиксахъ, опускаемого въ другихъ русск. говорахъ, встрѣчаемъ *и* и *е*: крылечико, колодецы, къ обѣдени. См. Колосова, Матеріалы 18—19, а также 20, 38, 43, 45, 46. И прежде было извѣстно, что въ свр. говорахъ записывателямъ слышится на мѣстѣ древняго *з* (основного, или происшедшаго изъ *ь*, какъ уже въ грам. 1229 г. отидето=тъ)—*о* и *а* (идето и идета, 3 л. ед.), именно въ просторѣчїи, а на мѣстѣ *ь*, неизобразившагося на письмѣ, но существовавшаго въ древнемъ языкѣ въ окончанїи *ый*, *ой*, въ пѣсняхъ—то *е*, то *я*, то *ю* (конь косматыѣ, добрыя=ый, правою=ой, дат. ед. ж.). См. мое сочин. Два изслѣд. 74—5. Отсюда мнѣ ясно не только то, что нѣкоторые свр. говоры удерживаютъ до нынѣ гласное окончаніе (=древн. *ъ*, *ь*), но и то, что это окончаніе—весьма неопредѣленнаго свойства, т. е. что въ немъ слышенъ глухой звукъ, хотя, вѣроятно и не такой самый, какъ въ древнемъ языкѣ. Что такое значитъ заявленіе, что пѣвецъ произноситъ почти *и* во «Владимѣрь=меръ», это мы знаемъ по ювр. случаямъ глухого звука (изображаемаго нѣкоторыми посредствомъ *и*) изъ древняго *о* и пр. напримѣръ, въ глава (3 сл.). Встрѣчая въ пѣснѣ, для размѣра, формы послѣдняя (5 слог.), Владимѣрь, добрые (=ый), мы не въ правѣ еще сказать, что тоже возможно и въ просторѣчїи. Такъ, слыша въ пѣніи француз. *e muet* (gloire, 3 слога), мы обыкновенно неслышимъ его въ говорѣ. Но пѣсня сама есть проявленіе слова, и между мною и

г. Колосовымъ существуетъ недоразумѣніе, если онъ (Матер. 43) нехочетъ видѣть въ нѣснѣ живаго народнаго языка, потому что у нея свои условія стиха и мѣры. Поэтическія вольности здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, состоятъ лишь въ несовѣтѣ обычномъ удержаніи старины; ибо, какъ трехсложное *gloire* не есть растяженіе формы *gloir*, а на оборотъ, такъ и *добрые*—не изъ двухсложнаго *добрый*, а на оборотъ.

Перехожу затѣмъ къ стар. свр. памятникамъ. Уже здѣсь, еще не дошедши до мр. нарѣчія, я сталкиваюсь съ мнѣніями г. Житецкаго. *) Относительно грам. 1229 г. (Срезн. М. объ ист. Русск. яз. 194 слѣд.; прилож. къ Русско-лив. акт.) я держусь того мнѣнія, что въ нѣкоторыхъ изъ изводовъ этого памятника нѣтъ никакихъ слѣдовъ книжно-церковнаго вліянія. Тѣмъ самымъ я признаю ошибочность мнѣнія г. Гатгалы (Увѣн о Грам. Бусл. 19, Сас. т. кр. ѓ. 1862), повторяемаго г. Житецкимъ (напр. У. И. № 8, 611), что чѣмъ старѣе памятникъ, тѣмъ больше онъ придерживается староболгар. образцовъ, и чѣмъ новѣе, тѣмъ болѣе прибли-

*) «Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія». Сочин. это помѣщено въ 2—3 кн. Кіевск. Унив. Изв. 1875. Приложенія—въ кн. 9 и слѣд. Касаюсь здѣсь только немногихъ затронутыхъ въ немъ вопросовъ, я вообще, противопоставляя это соч. сжатымъ соч. Колосова и Гейтлера, замѣчу только одно: оно слишкомъ многословно и было бы лучше, если бы было въ нѣсколько разъ меньше. Если бы (допустимъ невѣроятное) ученый, съ такимъ запасомъ данныхъ, какъ Миклошичъ, былъ такъ говорливъ, то онъ, вмѣсто своихъ 4-хъ томовъ Грамматики, долженъ бы написать томовъ сорокъ. Нынче и у насъ время дорого. Я прошу читателя невольнѣ полагаться на г. Житецкаго, когда онъ приписываетъ мнѣ извѣстные мнѣнія: Напр. на стр. 587 (У. Из. № 7) онъ, ссылаясь на мое сочин. Два изслѣд. 12, говоритъ: «устраняя изъ этихъ словъ нѣкоторую неточность въ названіи *жс*, то общерусскимъ, то немаюрскимъ, мы вполне согласны съ г. Потебней въ томъ, что въ мр. нарѣчій не *жс* образовалось изъ *джс*, а это послѣднее изъ перваго». Между тѣмъ у меня буквально и безъ грубыхъ опеча-

жается къ простонародной русской рѣчи. Тутъ надобно различать двѣ вещи: сознательное устраненіе подражанія и бессознательное подчиненіе народному языку. Отъ послѣдняго менѣе застрахованы древніе писцы, чѣмъ позднѣйшіе, болѣе книжные. Извѣстно мнѣніе Ак. Срезневскаго объ отношеніи правописанія упомянутой грамоты къ произношенію: «Если можно было смѣшивать на письмѣ *ъ* съ *е* = *ъ* и *з* съ *о*, значить и самые звуки ими изображаемые смѣшивались въ произношеніи, т. е. . . *ъ* (произносилось) сходно съ *е* = *ъ*, а *з* съ *о*. А что они выговаривались только сходно, это доказываютъ случаи пропуска *е* и *о* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ заступать могли *ъ*, *ъ*: горда, сербра, смрти, напсати вм. города, серебра, смрти, напсати» (Мысли 195). Здѣсь между прочимъ вѣрно то, что пользоваться подобными памятниками можно лишь признавая необходимость ихъ толкованія, сравненія различныхъ написаній въ нихъ самихъ и другихъ близкихъ по времени и характеру. Г. Житецкій другаго мнѣнія: «Мы принимаемъ фактъ, какъ онъ есть: стоятъ чистые вмѣсто глухихъ, мы и понимаемъ ихъ чистыми, а никакъ не глухими» (У. И. № 3, 257). *) Въ грам. 29 г. «неприбѣгая къ натяжкамъ, можно видѣть только равенство *з*

токъ стоять слѣдующее: «Господство звука *жс* изъ *дж* (=ст.-слав. *жд*) въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности служить доказательствомъ, что разницею между *дж* (Мр.) и *жс* (Вр.) было намѣчено раздѣленіе Русскаго языка на нарѣчія не позже X—XI в. *Ж* изъ *джс* въ украинскомъ, вѣроятно, новѣе, чѣмъ *жс* изъ *дж* въ великорусскихъ говорахъ, кромѣ бр. Невжужу возможности предположить, что не мр. *жс*» (т. е. возникло) «изъ сохранившагося въ мр. *джс*, а наоборотъ, послѣднее — изъ общерусскаго *жс*,» т. е. я (и теперь, десять лѣтъ спустя) считаю невозможнымъ предположеніе, что мр. *роджс* — изъ якобы общерусскаго *рожс*; наоборотъ, я думаю, что мр. *рожу* произошло изъ мрусскаго же *роджс*.

*) Отсюда бы слѣдовало, что въ такихъ памятникахъ, какъ Псалт. Map. skoczŃ, pecus, sczyrecz sustinere, нужно читать: скоцѣн, счырецѣ и т. п.

и ѣ гласнымъ о и е... а никакъ не глухое, древне-славянское произношеніе з и ѡ... Мы несомнѣваемся въ томъ, что з и ѡ очень часто были слышны въ произношеніи, по именно какъ звуки чистые, сообразно съ народной фонетикой, которую писцы неумѣли приспособить къ своему правописанію. Произнося з и ѡ, какъ о и е, они немогли поладить съ четырьмя буквами, выражавшими два звука, и потому постоянно смѣшивали эти буквы между собою. *) Напрасно несомнѣвающийся авторъ говоритъ (ib. 256), будто онъ присоединяется въ этомъ случаѣ къ Миклошичу. Слова Миклошича, на которыя ссылается г. Житецкій и раньше его г. Колосовъ (Оч. 17), слѣдующія: «въ гр. Мст. Дав. замѣну з и ѡ на концѣ словъ посредствомъ о и е слѣдуетъ приписать или тому, что здѣсь еще слышался звукъ» (гласн.). «или, что вѣроятнѣе, ошибочной аналогіи... Подобное встрѣчается и въ Новг. пам. XIV в.» (V. Gr. I, 381). Какая ошибочная аналогія могла заставить писцовъ нѣсколькихъ столѣтій писать идуту и т. п., а нынѣшняго простолюдина пѣть и говорить идуты, идуту, этого я непостигаю.

Грам. 1229 и сродная по языку, но болѣе правильная по написанію грам. 1230 (Срезн. Пам. Русск. п. 223), несмотря на свое отношеніе къ Смоленску, принадлежать къ свр. и служить коррективомъ и объясненіемъ другъ другу. а) Какъ понимать замѣну и опущеніе глухихъ при р, л въ случаяхъ: утвѣрждать, смрти (1-я гр.) видно изъ умърлѣ, мъртвѣ, утвѣрживати (1-я), тѣргованіе, дѣлгѣ, дѣлжнѣ и -енѣ, дѣлжбита (2-я). б) Въ корняхъ при другихъ согласн. притѣча, мѣзду, почнѣнѣ (2-я). Случаи: възметь, въ Ризѣ (ib.) наводятъ на мысль, что, гдѣ писцу 1-ой гр. слышалось у (уздумалѣ, на устоко, науспать, у Ризѣ), тамъ въ

*) Но въѣль написаніе «свободѣный, въѣхо» стоитъ по срединѣ между «свободо-ѣ-ный, въѣх-ѣ» и нынѣшнякъ «свободный (и-пной, какъ свр. ланно=ладно) въѣх. Последнія формы немогли бы возникнуть, если-бы въ XIII в. ѣ было=не, ѣ=о,

произношеніи было еще *вз*, но съ *в* уже нѣсколько вокализованнымъ. в) Какъ понимать чистые гласные въ суффиксахъ внутри словъ въ 1-ой гр. (латинескимъ, свободѣнны и пр.) показываетъ 2-я гр., гдѣ: задъница, нѣмѣчьскому, послушьство, куноемъчи, поемъши. г) Какъ понимать чистые гласные вмѣсто еровъ на концѣ (дѣе-тѣ=ть, и т. п.; Тумаше, князѣ=зь, языкомѣ, беръго, Ролфо, дѣлго=ъ, битосѣ=тъся, въ 1-ой гр.), это видно изъ 2-ой, гдѣ дѣлгѣ, битѣся, гѣтъскомѣ, хотя и вѣсхочети=тъ-и. Наоборотъ, основываясь на одной 2-ой гр. и неимѣя въ виду частыхъ случаевъ замѣны конечныхъ еровъ посредствомъ *о*, *е*, *н* въ Грам. 1229 г., можно бы подумать, что въ 2-ой еры на концѣ не составляли слога, что однако несправедливо. д) Наконецъ коррективомъ употребленія *з* и *ъ* вмѣсто основныхъ *о*, *е*, *н* служить современный языкъ, доказывающій, что ни въ одномъ изъ прежнихъ періодовъ языка немогли произноситься глухіе звуки (въ случаяхъ, какъ вѣдомъ (=е), послѣ (=ѣ), беръго, промѣжю, палъзѣ).

Весьма важно, что Гр. 1229 г. стоитъ по характеру правописанія не особнякомъ, но примыкаетъ къ ряду свр. памятниконъ конца XII—начала XV в. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и черта, не встрѣчаемая въ гр. 29 г., именно *е* на концѣ вм. *ъ*. Такъ въ грам. 1192 въдале Варламе при далѣ Варламѣ (Срезн. Пам. Русс. пис. 183); около 1249—написане (ib. 55); во Въираш. Кюр. (р.кп. XIII в. Калайд. Пам. XII в.)—елико службе (=службѣ) 174, аще кто вѣрне есть ib. 177, крестѣ честный недошле (=шьлѣ) Царя града, егда обрѣтене, 179. Объ этомъ см. Колосовъ, Матер. 17; въ XIV в. id. Очеркъ 103. Но большею частью разница между *з* и *ъ* выдерживается: Петро, рабо (около 1249, Срезн. Пам. 60); трее дворцѣ (=треѣ) въ гр. 1257—63 (Русс. лив. акты); ко кзролевому мужемо, къ вамо, посылѣ, молваше въ гр. 1294—1304 (ib. № 43); путь имѣ чисто въ гр. ок. 1300; вѣсе.. чинѣ, дожде, мо-пожѣствомѣ, общеникомѣ (дат. мн.=обыщеникомѣ), причащеникомѣ, обѣтошавшии (=обѣтъшавъшии) въ

Въ сноскахъ нѣтъ

Служебн. 1250 (Срезн. Пам. 225); крѣвавѣ муже, познати и въ Русс. Пр. по сп. XIII в. (Русс. Дост. I, 33, 4) и пр.

Говоря о XIII вѣкѣ, г. Колосовъ несомнѣвается, что напр. въ Паремейникѣ 1271, памятникѣ Двинскаго письма, е послѣ j слѣдующаго за гласною и послѣ другихъ согласныхъ есть изображеніе глухого звука (Оч. 88): отць моѣ, въ покоѣ (=ой) *) братъ ваше, уклонитесь (=тсь) терпите, раздѣляете. Здѣсь же слѣдовало отмѣтить изъ того же пам. кѣ нему, сѣдме тысящъ велеблудѣ, и на оборотъ з, ѣ вм. о, е: вѣловныхъ, пирѣния (Бусл. Хр. 75—6); Олуферье, (Срезн. Пам. 235—6). Но когда г. Колосовъ переходитъ въ XIV в., то на него вдругъ находятъ сомнѣнія. Между тѣмъ мое мнѣніе о глухихъ въ свр. въ XIV, нач. XV в. основано на такихъ же данныхъ, какъ и тѣ, которыя онъ находить удовлетворительными для XIII вѣка.

Въ купчей 1389 (Срезн. Пам. 268)—за Кузьмокою (Кузьмъкою, нынѣ Куземкою), на Словѣнокѣ (—пѣкѣ, пѣмѣ —пѣкѣ), пополонока (попѣльницка). Неужели можно думать, что здѣсь з сначала измѣнилось въ о, а потомъ исчезло? Тамъ же: съ путиномо (ѣмъ или омъ вм. ѣмъ), оцѣ д(у)ш(е)вное (=ой=ый) игумено. Въ Повг. купчихъ XIV—XV в. (Ак. Юр. 110, 114—6) а) о вм. з: Окыпфо, Ѳеodoro; Жирятиничемо, Яково, послухо, Дрочило Олексино, Созонѣ Илеѣно (И-ль-и-пѣ, 4 слога), а псало Олуферій, а стояло у печати Гошкуй; б) з вм. о: а на тѣ люди (=а на то свидѣтели), стѣяль, кѣ зеру (к-оз...), събѣ на чѣрѣмховзи кусть (=ой; въ другихъ мѣстахъ—Левушиньской, соцкой, 114); опущено о въ Ѳедровъ; в) е и ѣ (на письмѣ) вм. ѣ изъ з: Марке, Константине, Смене, Петре, Игнате, Грихне, Павле Труфоновичъ; Сидоръ Труфановъ, Есипъ Ѳомиѣ, Ти-

*) Отсюда видно, какъ ошибочно отъ написанія *краи* (им. ед.) заключать, что въ XI в. во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ было здѣсь на концѣ согл. j безъ гласн. ѣ (Житецкій, У. II. № 3, 257—8).

мошей Ивановѣ, Перхурей; г) *е* на мѣстѣ основ. *з*: Илеѣно, съ чѣмъ ср. Дементей деякъ, деякъ Иванъ (1479—81, Ак. Ю, 3) у Мадировъ—Деак; Ивановиче, купиле собѣ одерене (Ак. Ю, 114, по часто одерень, одерень); д) *з* вмѣсто основнаго *е* и опущеніе такого *е*: Сменъ (часто), братья Смене и Ортемья (быть можетъ Ортеме-я вмѣсто -ме-йъ, какъ въ новыхъ говорахъ «добрыя» = добрый), Дементыи, Григорыи (=ей, какъ въ Перхурей), черымховый (116).

Спрашивается, почему мы иначе судить о написаніи берго (XIII в.) а иначе о Яково (XV в.)?

Приведенныя здѣсь данныя, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV—XV, особенно въ свр. говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ на концѣ, въ свр. (спорадически) доходятъ вплоть до нашего времени. Если даже толковать эти данныя согласно съ глубокомысленнымъ принципомъ г. Житецкаго («стоять чистыя, мы и читаемъ ихъ за чистыя»); то все же для насъ остаются поразительными слѣдующія откровенія, полученныя этимъ ученымъ:

1) «Движеніе звуковъ въ мр. нарѣчіи, какъ и во *всѣхъ славянскихъ* нарѣчіяхъ, началось... *) съ потери глухихъ звуковъ *з* и *з*.. которая.. обнаружилась еще на почвѣ праязыка Русскаго... въ прадавнюю эпоху» (№ 3, 251). Къ такимъ признакамъ «общимъ *всѣмъ говорамъ* Русск. праязыка», **) какъ полногласіе, г. Житецкій

*) Вѣроятно тутъ неточность, ибо что же дѣлали звуки до того времени, если они недвигались, и откуда въ такомъ случаѣ взялся самъ праязыкъ Русскій?

**) Авторъ придаетъ большее значеніе мысли (по моему, неимѣющей никакой цѣны), повторяемой имъ на разные лады въ 8-хъ (и болѣе) мѣстахъ, что «не форменное однообразіе составляло характеристическую особенность праязыка Русскаго, а та широкая полнота звуковъ и формъ, которая вмѣщала въ себѣ *всѣ діалектическія разновидности*» 2, 192. Это нѣсколько напоминаетъ Б. Аксакова: «сущность, духъ, разумъ Русск. языка—свобода» (Соч. Б. Акс. II, IX).

находить нужнымъ «прибавить еще одну особенность Русск. праязыка, безъ которой немислимо самое существованіе его, именно—паденіе глухихъ гласныхъ, тотъ знаменательный въ исторіи слав. нарѣчій моментъ, съ котораго началось отдѣленіе ихъ отъ праязыка Славянскаго и который выразительными чертами отмѣченъ уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ древнеславянскаго нарѣчія» (№ 8, 610).

Кромѣ другихъ данныхъ, которыя я считаю нужнымъ объяснять иначе (напр. описка «*Богомъ*» въ Остр. Ев. 180, а), г. Житецкій опирается еще на слѣдующія:

а) Вѣроятно, заключая отъ бѣглой гласной въ вр. лед—льду, г. Житецкій видитъ е вм. ъ въ записи Глѣба на Тмуторок. камнѣ 1068: «по леду» (З, 257). Туже ошибку сдѣлалъ я (Два изслѣд. 94) и Колосовъ (Оч. 59); но е здѣсь общеславянское. Въ тойже записи два случая правильнаго з: отъ(ъ) Тьмуторокана до Кърчева».

б) О заключеніи отъ *краи* см. выше (стр. 43).

в) «Надстрочное изображеніе глухихъ гласныхъ всегда» (въ XI, какъ и въ XVI в.) «означало ихъ отсутствіе въ смыслѣ звуковъ, ниспаденіе звуковъ на степень простаго знака этимологическаго» (№ 3, 259).—Нѣтъ, въ этомъ отношеніи есть разница между столбціями. Если напр. въ Остр. Ев. з есть изображеніе звука въ тѣлѣцѣте, то и ъ тоже въ тѣлѣцѣцуууу.

г) «Встрѣчая въ самыхъ древнихъ памятникахъ отсутствіе з, ъ въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ, мы имѣемъ право заключать, что уже очень рано началось паденіе ихъ и въ срединѣ словъ ... Да иначе и быть не могло: звуковыя превращенія въ одной части слова должны были немедленно отразиться на всемъ составѣ его. Но мѣръ того, какъ конечные глухіе падали, срединные должны были превращаться въ полные гласные: изъ съвъ, днь должны были образоваться сон, дець» (ib. 259—60).

Дѣйствительно, предлоги съ з (без, въз, из, раз), являются безъ з, откуда—формы въ родѣ, и-чрѣва, ицѣлити, раздрушити (объ этомъ Mikl. V. Gr. I, 211—7;

Срезнев. Пам. Русск. пис. 50; Пам. юс. письма 161, 18 и ми. др. См. ib. указатель; Колос. Оч. 66, 81, 107); но отсюда нельзя заключать не только къ потерѣ глухихъ въ случаѣ тѣрзъ, но и къ другимъ предлогамъ: отъ, подъ, прѣдъ, надъ, въ, съ, обыкновенно сохраняютъ *з* (Mikl. ib. 190—1, Lex. pass.), а *об* хотя и встрѣчается безъ глухого звука, откуда форма, какъ обетшати, но встрѣчается, именно въ русск. памятникахъ, и съ *ь* (и съ *-и:* оби). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ частнымъ звуковымъ явленіемъ, условленнымъ, быть можетъ, свойствомъ согласной предлога, во всякомъ случаѣ—вовсе нехарактеризующимъ состоянія глухихъ звуковъ вообще.

2) «Начало (эпохи превращенія основныхъ *о* и *е*) совпадаетъ съ паденіемъ глухихъ гласныхъ на концѣ». «Потеря *з*, *ь* немедленно должна была отозваться на измѣненіи срединныхъ *о* и *е*.. А такъ какъ глухіе начали исчезать въ доисторическую эпоху, то и *дифтонги* на мистъ *о*, *е*, появились тогда же... Признать можно безспорнымъ, что съ *дифтонгами* *ем.* *о* и *е* *Русскій языкъ началъ свое историческое существованіе*» (№ 4, 317). То обстоятельство, что въ XII—XIII в. доегласія (т. е. напр. воолъ, вуолъ=волъ) незамѣтно, «доказываетъ глубокую древность доегласія, а не его позднее происхожденіе» (6, 611) «Великорусская система стяженныхъ гласныхъ» (т. е. напр. волъ) выводится изъ подляскихъ (мр.) дифтонговъ» (ѹо, ѹо и уо, ѹо? или только оо, ёо?), которые «древнѣе нарѣчій *вр.* и *мр.*» (ib. 612) и «относятся къ праязыку» (ib.). «Характеристическій тонъ русск. правокализма» состоитъ въ «доегласіи и полногласіи», «въ своеобразной полнотѣ гласныхъ элементовъ», которая появилась въ замѣнъ древней полноты, обусловленной присутствіемъ глухихъ гласныхъ» (ib. 613).

По моему мнѣнію, нѣтъ никакой пользы въ подобной характеристикѣ всего вокализма одною чертою; нѣтъ никакихъ основаній распространять свойство *мр.* языка на весь Русскій, а тѣмъ менѣе на всѣ славянскіе. Я

остаюсь при своемъ мнѣніи, что то удлинненіе, которое я не совсѣмъ удачно назвалъ вліяніемъ слав. позиціи, появилось въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ независимо и въ разное время (Два изслѣд. 108). Изъ того, что, какъ я выше старался доказать, въ свр. конечное *з* частью вовсе непотеряно, частью потеряно поздно, слѣдуетъ, что удлинненіе гласныхъ *воол* (откуда *вубол*, *вѣол*, *вѣл* и пр.) неможетъ быть даже общерусскимъ, а не то что общеславянскимъ явленіемъ. Изъ того, что ювр. относительно потери конечныхъ еровъ сходно съ мр., не слѣдуетъ, что форма какъ *воол* (а тѣмъ менѣе *вубол*) была и въ ювр.: удлинненіе срединной гласной при превращеніи двухъ прямыхъ слоговъ (*во-лъ*) въ одинъ средний можетъ быть признано лишь *a posteriori*. А *a priori* это удлинненіе также необходимо, какъ и превращеніе глухого звука въ среднемъ слогѣ въ чистый: ср. напр. болгар. *сѣн*, *зѣл*, или серб. не только *трѣ*, но и *трѣк* (съ болѣе тяжкимъ удареніемъ на краткомъ глухомъ звукѣ, несмотря на потерю конечнаго *з*). Стало быть, почему же въ ювр. и послѣ потери *ь* немогло остаться краткаго *о* напр. въ конь (серб. *кѣнь*, род. *кѣнья*=русск. коня)? Кто хочетъ доказать противное, тоже долженъ не высасывать это изъ пальца, а показать въ ювр. столь-же явственныя слѣды удлинненія, какъ тѣ, которые намъ извѣстны въ мр. *куонь* и т. п.

Въ Замѣт. о Мр. пар., 12—13, я говорю, что случаи, какъ мр. *тривати*, «суть не самостоятельныя отклоненія отъ общерусскаго правила, по коему (на мѣстѣ глухихъ звуковъ) должно бы быть *о* или *е*... (трвати или тревати), и лишь приспособленія польскихъ словъ къ малорусскому произношенію». Переходя за тѣмъ къ другому отклоненію отъ Русск. правила, къ *тервати*, *трѣвати*, къ *зававый* (такъ изображаютъ эти слова галицкіе ученые, на отвѣтственности которыхъ лежитъ здѣсь и различіе *з* и *ж*), я говорю: «несомнѣнно, что въ этихъ говорахъ (между прочимъ у Бойковъ и Лемковъ) глу-

хой звукъ и е... не составляютъ правила, а суть скорѣе исключенія и, какъ такія, легко могутъ быть заимствованіями (,) или (=то есть) туземными приспособленіями не русск. произношенія» ib. 14. Передъ *или* пропущена запятая, а въ *нерусскаго* не напечатано раздѣльно. Эти опечатки дали поводъ г. Житецкому утверждать будто я считаю здѣсь глухіе гласныя «или заимствованіями, или туземными приспособленіями нерусскаго происхожденія». Послѣднее вѣроятно опечатка. «Но, возражаетъ г. Житецкій, Карпатскимъ Русинамъ не отъ кого было заимствовать глухихъ гласныхъ, если только они дѣйствительно существуютъ въ ихъ говорѣ, да еще съ тонкимъ различіемъ *э* отъ *ь*. Гораздо вѣроятнѣе въ самомъ дѣлѣ, что они явились плодомъ приспособленія мѣстнаго говора къ нарѣчіямъ словацкому и польскому» (№ 3, 251). Если было приспособленіе, то, тѣмъ самымъ, было и заимствованіе. Послѣдняго безъ перваго и не бываетъ.

«Въ Волинскихъ памятникахъ XVI в.; говоритъ г. Житецкій, Потебня нашелъ два слова (чернигородци и гридуно) на основаніи которыхъ предполагаетъ, что *э* въ то время еще слышалось; но изъ его словъ не ясно, слышился ли *э*, какъ звукъ чистый, или же какъ глухой. По нашему мнѣнію, букву *у* никакъ нельзя прочесть глухимъ звукомъ, а *э* не только въ XVI в., но и гораздо раньше имѣлъ значеніе чистаго гласнаго» (№ 3, 255). Но изъ моихъ словъ (Два изслѣд. 93) видно, что я вовсе неутверждаю, будто *э* вообще въ то время слышалось. Я говорю только о частныхъ случаяхъ, въ томъ убѣжденіи, что только специализація вопроса ведетъ къ правильному его рѣшенію. Если человекъ въ XVI в. пишетъ *э* вм. *о* въ чернигородци, то, значитъ, въ немъ сохранилась смутная память близости *э* и *о*. Если онъ пишетъ *гридуно*, то значитъ, слово это казалось ему трехсложнымъ; но чистаго *у* въ дѣйствительности здѣсь никогда не было: слѣдовательно буква *у*

изображала здѣсь глухой звукъ, именно з изъ ъ, ибо само ъ такъ бы выражено быть немогло. Эта черта однопородна съ упомянутыми выше ювр. спорадическими случаями, какъ жѣмѣши = основ. живѣши.

Въ своемъ соч. Зам. о Мр. нар. 11—2 говорю: «безъ сомнѣнія, во всѣхъ русскихъ говорахъ глухіе звуки прежде всего стали исчезать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ нынѣшнемъ языкѣ они вовсе непроизносятся; дольше они удерживались тамъ, гдѣ нынѣ они замѣняются чистыми о и е. Если принять, на основаніи волинскаго сп. Ефрема Сирина, что въ южн. русс. глухіе звуки слышались еще въ XIII вѣкѣ въ такихъ случаяхъ, какъ бздѣти, лукавство, то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ принять и то, что въ случаяхъ, какъ търгѣ, вѣакъ, сѣнѣ, дѣржати, лѣнѣ, они *внутри словъ* слышны были и въ болѣе позднее время, *приблизительно* до полов. XIV вѣка». Между тѣмъ *о конечныхъ* глухихъ у меня сказано (ib. 14), что въ юж.-вр. и мр. въ отличіе отъ сѣв.-вр. они могли быть потеряны еще въ XII в. или раньше». Последнее положеніе, какъ увидимъ, нуждается въ поправкѣ.

Теперь, первые слѣды *качественной* замѣны *основныхъ* о, е въ Мр. относятся къ концу XIV вѣка. *Количественныя* замѣны, предполагаемыя этими качественными (напр. коонѣ), должны были появиться раньше. Каково было отношеніе этого явленія къ глухимъ и ихъ замѣнамъ? А priori возможно двоякое предположеніе: а) въ тоже время, какъ появилась форма коонѣ (и небное), возникло и чистое о изъ з въ сон, такъ что разница между срединными звуками этихъ словъ была только количественная; б) во время возникновенія долгаго о въ коонѣ, з внутри словъ, какъ сѣи, еще удерживалось и разница между ѡ=основ. о и з была вмѣстѣ и качественная. Перваго предположенія держится г. Житецкій (№ 4, 307); я же на основаніи вышеприведеннаго мнѣ-

нія о существованіи глухихъ звуковъ внутри словъ въ мр XIII—XIV в. счелъ себя въ правѣ допустить только второе предположеніе и сказалъ: «въ то время какъ началось специально-малорусское измѣненіе основныхъ *о, е*, глухіе звуки внутри словъ, какъ *сѣмъ*, еще существовали» (Зам. 12), а «если бы въ то время, какъ началось удлинненіе *о, е* въ среднемъ слогѣ, глухіе звуки (т. е. внутренніе) въ мр. *уже* замѣнились чистыми», то они были бы вовлечены въ тотъ же процессъ удлинненія и «мы имѣли бы теперь мр. форму *суон—сону, сін—сону*, а не *сон—сону, сну, сна*» (ib. 35—6). Другими словами: такое отождествленіе *о, е* происшедшихъ изъ *з, ъ*, съ *о, е* основными имѣло бы мѣсто, если бы удлинненіе основныхъ *о, е*, застало уже въ языкѣ *о, о* изъ *з, ъ*.

На это г. Житецкій возражаетъ мнѣ, что съ допущеніемъ предположенія о существованіи глухихъ одновременно съ *оо* и пр.=основ. *о*, устраняется причина того, что основное *о, е* путемъ дифтонговъ перешло въ *і* (№ 4, 307). *) Это на первый взглядъ кажется вѣрнымъ, ибо, допустивши существованіе *з* въ срединѣ слова *сѣи*, казалось бы, мы должны бы признать такую форму ошибочною, въ силу того, что удержаніе *з* въ срединѣ предполагаетъ *з* на концѣ: *сѣ-нз*. Но форма *сѣ-нз* не можетъ существовать одновременно съ *коон*, а присутствіе конечнаго глухого звука въ *коо нъ* находилось бы въ противорѣчіи съ удлинненіемъ *о* въ этомъ словѣ. Стало быть, остается одно: одновременно съ потерю конечныхъ глухихъ средніе чистые удлиннились. Какъ гармонируютъ съ собою древнія формы *ко-нъ, сѣ-нз*, такъ и новыя *коон*, *сон*.

Тѣмъ неменѣе я нахожу возможнымъ сказать нѣ-

*) Этотъ упрекъ съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесенъ къ моимъ словамъ, что «долгота въ *моой* есть, вѣроятно, явленіе *болѣе позднее*, чѣмъ утрата конечныхъ глухихъ» (въ настоящемъ моемъ соч. стр. 125). Эти слова прошу считать за ошибку.

что въ пользу возможности одновременнаго существованія въ мр. средних глухихъ (съп) и удлинненія чистыхъ.

Мы говоримъ о превращеніи двухъ прямыхъ словъ въ одинъ (напр. съ-нъ въ сон), о замѣнѣ глухихъ чистыми, объ удлинненіи чистыхъ гласныхъ такъ, какъ будто бы каждое изъ этихъ явленій совершилось вдругъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ каждое изъ этихъ явленій было длинный процессъ. Предполагаю, что въ моментъ, который можно принять за исходный, оба з въ съ-нъ были одинаковы. Потомъ началось ихъ различіе: первое пошло по направленію къ чистому о, второе — къ уничтоженію. До полнаго уничтоженія однако дѣло не дошло и теперь, если взять во вниманіе, что свойственное многимъ мр. говорамъ удержаніе л въ діл и т. п. (между тѣмъ какъ л въ прич. на лъ переходитъ въ е или у несоставляющее слога) и сохраненіе разницы между конечными звучными и отзвучными (біб и піи) невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухого звука (Ср. Два изслѣд. 132—4). Два-три столѣтія тому назадъ этотъ остатокъ былъ, конечно, гораздо значительнѣе; слова какъ сон были тогда близки къ двухсложности, а между тѣмъ о изъ з въ нихъ уже существовало. Согласно съ этимъ можно думать, что какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлинненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ. Означая ступень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшней и древней, посредствомъ значка ', я представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) ко-нъ, съ-нъ; 2) ко́н', со́н' (т. е. ѿ еще далеко отъ двухъ явственныхъ оо, близкихъ къ дифференцированью въ уо, а з еще отличимо отъ о); 3) коон, сон.—Мнѣ кажется, что Польскій языкъ даетъ основаніе думать, что въ одномъ и томъ же нарѣчій, въ одно и тоже время конечные глухіе звуки могутъ быть разной силы, смотря потому, какова предшествующая согласная. Фактъ въ томъ, что въ поль. литературѣ. (кромѣ исключеній) въ среднихъ сло-

гахъ передъ звучными стоитъ *ó* (изъ *oo*, *ýo*), а передъ отзвучными *ǫ*: *bób* и *rop*, *chód* и *kot*, *bóg* и *bok*, *wób* и *kos* и пр. Объясненіе, которое кажется мнѣ умѣстнымъ (быть можетъ предложенное кѣмъ либо и раньше меня), состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживался здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ большого напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему передъ послѣдними появилось удлинненіе основнаго *o* (и основнаго *e*, изъ коего—*é*) въ то время, какъ передъ первыми нѣтъ.

Г-ну Житецкому *известно*, что основное *o*, *e* образовалось нѣкогда изъ простѣйшихъ элементовъ: $a+i=e$, $a+y=o$; слѣдовательно, по своему образованію, *o* и *e*, въ отличіе отъ *a*, *i*, принадлежать къ разряду дифтонговъ» (№ 4, 307—8). Это мнѣніе дѣйствительно известно (ср. Hatt. Sr. Ml. 112), но какъ ошибочное. Г. Житецкій (ib. 310) принялъ слова Шлейхера (Comp. § 5), сказанныя объ образованіи скр. *ó*, *é* изъ *au*, *ai* за равноотносящіяся и къ слав. *o*, *e*; но изъ *ai* въ слав. можетъ выйти только *ъ*, *и*, изъ *au*—только *ов* и *у*, между тѣмъ какъ слав. *e*, *o*, по правилу, непосредственно примыкаютъ къ основному *a*. На такомъ основаніи г. Житецкій строитъ дальше: «исконная (!) долгота *o* и *e* съ теченіемъ времени утратилась во многихъ языкахъ, между прочимъ въ древнеславянскомъ, гдѣ гласный элементъ въ концѣ словъ ослаблялъ необходимость долгихъ гласныхъ въ серединѣ словъ» (ib.). Это значить, напр. въ *домъ o* кратко потому, что на концѣ гласный звукъ *z*, а нѣкогда было долго, потому что по предположенію г. Житецкаго возникло изъ *даум*. На самомъ же дѣлѣ гласное окончаніе слова *домъ* неимѣетъ никакого отношенія къ предполагаемой краткости коренной гласной, которой соотвѣтствуетъ *â*: скр. *дѣм-âс*, греч. *дѣмос*, латин. *дѣмус*. Все это нужно г. Житецкому лишь какъ фундаментъ для (ошибочнаго) положенія, что мр. *i* въ *кинъ* есть возстановленіе первоначальной долготы *o*.

Въ Королевскомъ разнорѣчїи (Гродн. г. Бѣлост. у.) замѣчены формы коонъ, воол. Можетъ быть, говорить г. Житецкій, первоначально изъ *oo* образовался дифтонгъ *ou*, соотвѣтственно съ древнеславянскимъ начертаніемъ его; затѣмъ произошла *обычная* (!) въ этихъ случаяхъ перестановка гласныхъ (Hatt. Sr. MI. 118). Чешск. *ů* изъ *ou* образовалось именно посредствомъ этой перестановки: зѣбъ по вм. долгаго *ó* въ среднѣй словъ появилось въ послѣдней четверти XIV в., но въ устахъ народа существовало, конечно, несравненно раньше (№ 4, 310—11). Но вѣдь церк.-слав. *ou* (Греч. *oo*) не только изображаетъ звукъ *у* (въ чемъ, пожалуй нѣкоторые сомнѣваются, читая *ou*, какъ написано), но и этимологически связано съ *у*, неимѣя отношенія къ слав. *o*. Обычность перестановки есть чистая выдумка, поводомъ къ которой служить развѣ предполагаемая перестановка въ *квас*. Чешск. *ů* возникло изъ *uo* безъ всякой перестановки. Если проф. Гаттала (I. с.) думаетъ, что это удлинненіе (*uo* изъ *ó* есть возвращеніе къ первоначальному *au*, отъ коего будто бы пошло *o*; то это падаетъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ, что слав. *o* происходитъ изъ *au*.

Что я стараюсь объяснить мр. *i* изъ *o*, е не однимъ вліяніемъ средняго слога (resp. компенсаціи), но также и долгою (б. м. относительно новаго происхожденія) въ прямомъ слогѣ, объ этомъ въ моихъ соч. Два изсл. 99, 102, 109, Зам. о Мр. нар. 34—5. Говоря объ этомъ (№ 4, 308—9) г. Житецкій приравниваетъ мр. *літати* къ слав. *летѣти* (а не къ *лѣтати*, какъ бы слѣдовало; быть можетъ, г. Житецкій, основываясь на нынѣшнемъ правописаніи, побоялся написать *лѣтати* черезъ *ѣ*), а мр. *замѣтати* сравниваетъ съ слав. *замѣтати* (слѣдуетъ: *замѣтати*). Г. Житецкій невидитъ, что въ обоихъ случаяхъ, и въ мр., и въ ст.-слав. стоитъ *ѣ*, что, стало быть, примѣры эти неимѣютъ отношенія къ измѣненію *е* въ *i* по малорусскому способу (*сім*—*семи*), но относятся къ случаямъ, какъ *віра*—*вѣра*.

Подобнымъ образомъ г. Житецкому неизвѣстно, что въ празнуимъ, разумѣимъ (I л. мн. повел.) вовсе не е переходитъ въ и, а ѣ; равно и въ твор. ед. зноимъ и—не изъ е, а изъ ѣ (№ 4, 419).

V.

Глухіе звуки ѣ и ѥ при плавныхъ р, л между двумя другими согласными.

Вопросъ о мѣстѣ глухихъ при плавныхъ г. Колосовъ считаетъ существеннымъ въ исторіи Русскаго языка. Онъ держится того взгляда, что въ словахъ *тѣрѣзъ*, *вѣлѣзъ* и т. п. гласная есть не р, л, а ѣ, что и мнѣ кажется несомнѣннымъ. Приводя мое мнѣніе (Два изслѣд., 138), что особенность древняго русскаго по отношенію къ старо-славянскому состоитъ въ постановкѣ ѣ, ѥ передъ плавными въ большинствѣ случаевъ, г. Колосовъ спрашиваетъ, о какихъ исключеніяхъ здѣсь рѣчь: о тѣхъ ли, кои принадлежатъ самому языку, или о тѣхъ, которыя суть лишь слѣдствіе неустановившагося правописанія, и рѣшаетъ вопросъ въ мою пользу (Оч., 23). Дѣйствительно, я не ставилъ въ число особенностей языка малограмотности писцовъ. Впрочемъ, я не давалъ повода къ самому вопросу, потому что то меньшинство случаевъ, въ которомъ ѣ и ѥ стоятъ въ древнемъ русскомъ послѣ плавныхъ, было указано мною въ томъ же сочиненіи (Два изслѣд., 34). Въ числѣ приведенныхъ тамъ словъ есть и пять изъ тѣхъ семи, которыя приводитъ г. Колосовъ на стр. 26.

Нѣтъ ли русскія нарѣчія почти единогласно предполагаютъ въ однихъ словахъ, глухой звукъ передъ павною, въ другихъ—послѣ нея. Для сравненія съ этимъ я бралъ старо-славянскій языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно встрѣчается въ памятникахъ, и какъ его понимаетъ Миклошичъ, который по написанію недѣлаетъ разницы между *плѣкъ*=русск. *полкъ*, и *плѣтъ*, =русск. *плоть*. Указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что